

II.

Цѣлый рядъ преступленій подѣ влияніемъ протрагирующаго эпилептическаго эквивалента.

П. И. Ковалевскаго.

10 сентября 1878 года въ психіатрическое отдѣленіе харьковской губернской земской больницы поступилъ инѣкто Н. К.; яступилъ онъ при отношеніи г. судебного слѣдователя для испытанія умственныхъ способностей. К. обвинялся въ совершеніи цѣлаго ряда гражданскихъ и уголовныхъ преступленій, — и теперь требовалось рѣшить: совершилъ ли онъ эти преступленія въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей, или же, при совершеніи преступленій, онъ находился въ болѣзненномъ состояніи?

Настоящее состояніе К. Инкультъ роста выше средняго, тѣлосложеніе умѣреннаго, очень малокровнѣе; уродливостей и неправильности развитія не представляетъ. Голова округленной формы, волосы сѣдые. Лицо блѣдное, осмысленное; зрачки расширены, на свѣтъ реагируютъ удовлетворительно; слизистыя оболочки глазъ блѣдны, вдаль видитъ плохо, равнымъ образомъ плохо читаетъ и пишетъ безъ выпуклыхъ стеколъ. Наружный слуховой проходъ и острота слуха безъ особенностей. Органы вкуса, обонанія и осязанія тоже безъ особенностей. Языкъ об-

ложенъ бѣлымъ налетомъ. Удары сердца слабы, тоны глухи; пульсъ малый, слабый, 70 въ минуту. Въ легкихъ по-временамъ хрипы. Стѣнки живота ожирѣвшія; животъ вздутъ; печень увеличена въ объемѣ; по-временамъ отекъ ногъ. — Воспріятіе внѣшнихъ впечатлѣній и усвоеніе ихъ не представляютъ особенностей; способность запоминанія довольно правильна, — способность припоминанія, т. е. воспроизведенія прежде бывшихъ ощущеній, представленій и понятій, значительно притуплена, такъ, К. не помнитъ, въ которомъ году онъ женился, съ трудомъ восстанавливаетъ самые рельефные факты изъ своей жизни, какъ: выходъ въ отставку, занятія въ послѣднее время и пр. Составленіе представленій нѣсколько неясно, неточно и сбивчиво; количество представленій какъ-бы уменьшено и въ сужденіяхъ по-временамъ замѣчаются дефекты; ассоціація представленій правильна, за исключеніемъ количественной стороны; понятія, сужденія и заключенія рѣзкихъ аномалій не представляютъ. К. обнаруживаетъ какую-то неровность характера, то онъ раздражителенъ и придирчивъ ко всему и ко всѣмъ, то, напротивъ, и при-томъ въ большинствѣ, онъ представляетъ какую-то тупость, забитость и подавленность. Нравственный элементъ не представляетъ особенныхъ уклоненій, за исключеніемъ какого-то индифферентизма отношеній. Такъ, К., по-видимому, хорошій отецъ, мужъ и семьянинъ; но, находясь довольно долгое время то въ тюрьмѣ, то въ больницѣ, онъ мало вспоминалъ свое семейство, еще рѣже тосковалъ и скучалъ за нимъ. Въ большинствѣ случаевъ онъ вспоминалъ тогда, когда его наводили на мысль объ этомъ и при-томъ безъ особенной горечи и сожалѣнія.

К. ѣхалъ къ своей матери не потому, чтобы онъ питалъ особенную любовь и привязанность къ ней, а такъ, — и самъ не знаетъ почему и какъ эта мысль пришла ему въ голову; хотя въ этомъ отношеніи не рѣдко въ К. можно подмѣтить лживость и обманъ: нѣкоторымъ лицамъ, особенно официальнымъ, онъ

старается выставить себя любящимъ сыномъ, нѣжнымъ супругомъ и чадолюбивымъ отцомъ. По выходѣ въ отставку, К. оставался безъ опредѣленныхъ занятій, — и это нисколько не стѣсняло его и не побуждало къ пріисканію той или другой должности, того или другого мѣста; напротивъ, онъ съ какимъ-то тупымъ равнодушіемъ проживалъ пенсію, заработокъ жены и иногда — вспомошествованія. Чувство гражданскаго долга и общественнаго дѣятеля не пробуждались въ К. Не менѣе индифферентнымъ онъ былъ и въ религіи: въ больницу онъ ходилъ въ церковь, но занимался не молитвою, а разсматриваніемъ постылици и сифилитическихъ дѣвокъ. К. жалуется на плохой аппетитъ, бессонницу, частыя головныя боли, давленіе подъ ложечкою, боль въ ногахъ и запоры; всѣ эти явленія особенно интенсивно бываютъ выражены весной и осенью.

Анамнестическія данныя. Въ семействѣ К. не замѣтно ни наслѣдственности, ни семейнаго расположенія ни къ психозамъ, ни къ неврозамъ. Отецъ К. по-временамъ сильно пилъ водку; самъ К. тоже не рѣдко пьянствовалъ. К. уроженецъ херсонской губерніи, дворянинъ, 53 лѣтъ, женатъ, православный, грамотенъ, поручикъ въ отставкѣ, въ настоящее время безъ опредѣленныхъ занятій. Одиннадцати лѣтъ отъ роду К. имѣлъ воспаленіе легкихъ. 30-ти лѣтъ, во время крымской войны, онъ получилъ ревматизмъ, которымъ, по-временамъ, страдаетъ и теперь. Припадки помѣшательства у К. уже далеко не первый разъ, напротивъ — они у него повторяются уже разъ шестой, а можетъ быть и болѣе. Первый приступъ помѣшательства онъ имѣлъ въ Херсонѣ, во время крымской кампаніи, — тогда онъ лежалъ даже въ больницу. Послѣ войны подобный же припадокъ былъ съ нимъ въ Воронежѣ и затѣмъ нѣсколько разъ въ Москвѣ. Въ какіе именно годы были эти припадки, въ какое время года, въ чемъ они состояли и какъ долго продолжались, — К. рѣшительно не помнитъ. Изъ свидѣтельства, выданнаго мо-

сковскою медицинскою конторою 28 ноября 1868 года, видно, что К. был свидѣтельствованъ въ московскомъ военномъ окружномъ судѣ и признанъ страдающимъ періодическимъ умопомѣшательствомъ. Жена К. показала, что ея мужъ, въ послѣднія 12 лѣтъ, каждый годъ, весной или въ началѣ лѣта, обнаруживаетъ какое-то буйство. Онъ дѣлается очень раздражительнымъ, скрывается изъ-дому по нѣскольکو дней и возвращается домой, чтобы захватить денегъ или одежды. Гдѣ онъ бывалъ въ это время, К. самъ въ-послѣдствіи не помнилъ. Такъ проходитъ мѣсяць или два, — въ это время онъ самъ не свой. Отъ этой болѣзни К. не лѣчился, такъ-какъ не сознавалъ своей болѣзни, не смотря на то, что, по признанію его въ военномъ окружномъ судѣ страдающимъ періодическимъ помѣшательствомъ, онъ находился на порукахъ у своей жены.

Поводомъ къ настоящему испытанію умственныхъ способностей К. послужилъ цѣлый рядъ гражданскихъ и уголовныхъ преступленій, совершенныхъ имъ на пути отъ Москвы и до Валокъ, харьковской губерніи.

22 мая 1878 года К. выѣхалъ изъ Москвы по желѣзной дорогѣ въ Николаевъ, для свиданія съ своею матерью. На станціи Климовскѣ, 5-й полустанокъ отъ Москвы по московско-курской дорогѣ, К. входитъ въ вагонъ III-го класса и громко произноситъ: «я поручикъ К., дайте мнѣ мѣсто». Такъ-какъ всѣ мѣста были заняты, то ему одинъ изъ пассажировъ и отвѣтилъ: «тутъ рѣшительно всѣ мѣста заняты».

На это К. началъ ругаться самыми неприличными словами, не смотря на то, что въ вагонѣ сидѣли женщины. Тогда одинъ священникъ сказалъ: «Если вы называете себя поручикомъ, то и должны держать себя, какъ поручикъ, т. е. прилично». Въ отвѣтъ на это К. началъ браниться самыми неприличными словами, прибавляя, что ему и Филаретъ (митрополитъ) былъ извѣстенъ и его знаетъ митрополитъ московскій Иннокентій.

Послѣ того К. началъ придирается ко всѣмъ пассажирамъ, бранилъ ихъ матерными словами, а одного даже ударилъ зонтикомъ; почему пассажиры просили кондуктора вывести К. изъ вагона.

К. бранилъ и кондуктора и грозилъ ему, что тотъ лишится мѣста. Когда пріѣхали на станцію Молоди, то, по просьбѣ пассажировъ, К. выведенъ былъ изъ вагона и тамъ составленъ былъ актъ.

При составленіи акта, К. бранилъ начальника станціи, его помощника и жандармскаго унтеръ-офицера, при-чемъ неоднократно даже намѣревался ударить унтеръ-офицера, при исполненіи послѣднимъ своихъ обязанностей, то палкою, то кулакомъ. При этомъ не было замѣчено, чтобы К. былъ очень пьянъ.

Со станціи Молоди, К. отправленъ былъ, по составленіи акта, въ молодинское волостное правленіе. Пробывши тамъ ночь, К. опять возвратился на станцію. Опять началась новая брань: досталось начальнику станціи, его помощнику, телеграфистамъ, жандарму и пр. По этому К., съ новымъ актомъ, отправленъ былъ не въ молодинское волостное правленіе, а въ подольское полицейское управленіе, вмѣстѣ съ провожатыми.

Прибывши въ подольское полицейское управленіе, К. какимъ-то способомъ выманулъ у своего провожатаго бумагу, при которой онъ былъ присланъ для задержанія, и вмѣстѣ съ этою бумагою скрылся изъ полицейскаго управленія и даже Подольска, безъ-вѣсти.

Слѣды К. отыскиваются уже на харьковско-николаевской желѣзной дорогѣ, гдѣ онъ фигурируетъ на станціи Ковега, 5-я станція отъ Харькова, 26 мая.

Въ Ковегахъ К. выведенъ былъ изъ вагона и оставленъ отъ поѣзда за буйство и различнаго рода неприличныя выраженія и дѣйствія по отношенію къ ѣхавшимъ пассажирамъ. Здѣсь К. называлъ себя поручикомъ Николаемъ Григорьевичемъ Чижев-

скимъ, служащимъ чиновникомъ ос. быхъ порученій у шефа жандармовъ и вѣдущимъ теперь по его порученію.

Въ Ковегахъ К. держалъ себя точно такъ-же, какъ въ Мологи: брань, придирки ко всѣмъ и стремленіе къ дракѣ. Чрезъ нѣсколько часовъ онъ сдѣлалъ письменное заявленіе о неправильномъ задержаніи его, при чемъ назвалъ себя не Чижевскимъ, а Петерсономъ, опять-таки чиновникомъ особыхъ порученій шефа жандармовъ.

На станцію Ковеги К. прибылъ въ четыре часа утра. Нѣсколько заснувши, К., вмѣстѣ съ телеграфистомъ станціи, отправился въ трактирное заведеніе. Тамъ они выпили водки. Здѣсь К. точно такъ-же началъ приставать къ посѣтителямъ заведенія, придираться къ нимъ и говорить имъ дерзости, почему телеграфистъ оставилъ его одного, а самъ ушелъ спать.

Такъ-какъ въ трактирномъ заведеніи не было отдѣльнаго свободнаго помѣщенія, то К. съ телеграфистомъ сидѣли въ комнатѣ квартиранта. По уходѣ телеграфиста, К. потребовалъ себѣ самоваръ и напился чаю, послѣ чего ушелъ изъ трактирнаго заведенія; но, уходя, онъ захватилъ съ собою пальто того квартиранта, въ комнатѣ котораго они находились.

Изъ трактира К. опять пошелъ къ телеграфисту, довольно грубо разбудилъ его и звалъ опять въ трактиръ. Телеграфистъ отказался и такъ-какъ К. держалъ себя крайне грубо и дерзко, то вынужденъ былъ вывести его. Тогда К., обошедши его квартиру, бросилъ большой камень въ окно телеграфиста, разбилъ его и ушибъ самого телеграфиста. Во время ссоры съ телеграфистомъ, К. оборвалъ ему погоны на мундирѣ и разорвалъ самый мундиръ.

Во время схватки К. съ телеграфистомъ, на мѣсто побойши пришелъ хозяинъ похищеннаго пальто. Какъ хозяинъ пальто, такъ и телеграфистъ замѣтили, что изъ-подъ полы К. виситъ какое-то платье, которое и оказалось похищеннымъ пальто. По-

этому К. отведенъ былъ на станцію для составленія протокола. К. не отрицалъ факта похищенія, но при этомъ добавилъ, что научилъ его тому телеграфистъ.

При составленіи протокола К. бранился самыми неприличными словами. Онъ бранилъ начальника станціи, его помощника, телеграфиста, жандарма и всѣхъ присутствующихъ; не однократно порывался къ дракѣ и здѣсь же оборвалъ на телеграфистѣ и другой погонѣ. При этомъ К. похвалялся зарѣзать начальника станціи и телеграфиста, а самую станцію сжечь. По составленіи протокола К. отправленъ былъ въ валковское полицейское управленіе.

По уходѣ К. оказались пропажи у служащихъ на станціи: именно — украдены были калоши и ситцевая рубаша, каковыя вещи оказались заложенными въ лавочкѣ арестованнымъ пассажиромъ К.

29 мая К., находясь въ арестантскомъ отдѣленіи, подалъ слѣдующее заявленіе судебному слѣдователю:

23 мая сего года я выѣхалъ съ пассажирскимъ поѣздомъ № 4735 до Курска, а изъ Курска до Харькова, а изъ Харькова до Кременчуга, гдѣ и былъ мой багажъ сданъ на каждой означенной станціи. Съ Харькова сѣли со мною (въ) вагонъ нѣсколько подозрительныхъ личностей, я ихъ хорошо знаю, потому что служу въ Московской полиціи и у шефа жандармовъ и занимаю(сь) по сыскной части. Не доѣзжая станціи Ковяги, одна изъ дамъ вломила(сь) въ амбицію и просила оберъ-кондуктора перевести въ другой вагонъ. На что я отвѣчалъ, что я изъ Харькова сѣлъ и не хочу переходить въ другой вагонъ. Оберъ-кондукторъ сказалъ, что онъ меня попроситъ выйти къ смотрителю станціи и я былъ оставленъ жандармскимъ унтер-офицеромъ на означенной станціи. Багажъ не знаю изъ Харькова мной сданъ до Кременчуга и квитанцію представилъ начальнику станціи. Я просилъ, чтобы телеграфировать на счетъ вещей моихъ,

то онъ мнѣ сказалъ, — что это мое дѣло, а вы можете на 4 стороны удалиться; я ему сказалъ, что у меня при себѣ денегъ и я не пойду. Бывшій въ то время дежурный телеграфистъ Н. П. приглашалъ меня подождать его смѣны, и на другой день говорилъ, что и онъ ѣдетъ недалеко; я по совѣту остался, и ночевалъ. И когда онъ смѣнился, пошелъ въ его квартиру, гдѣ какъ у него, такъ и у меня не было денегъ, — хотѣлось ѣсть и выпить утренней влаги; я снялъ жилетъ, стоющій 3 р. (и) заложилъ буфетчику, какъ я вамъ сказалъ въ своемъ показаніи и просилъ васъ, чтобы вы не дѣла(ли) тревоги, не посла(ли) въ Москву; но вы не сдержали, какъ вы нынче сказали. Но я долженъ вамъ доложить, что нахожусь на порукахъ жены, отданнымъ судебнымъ слѣдователемъ военнаго окружнаго суда майоромъ Боршнывымъ, какъ болѣзненный и сумашедшій; признанъ Московскимъ окружнымъ судомъ, свидѣтельствовавъ въ Московской врачебной управѣ. Когда вещи прійдутъ, то бумаги какія, а если вы говорите, что нужно 300 р., то у меня есть въ багажѣ въ моемъ указѣ, или можно написать женѣ, чтобы она выслала послѣ 1-го іюня пенсіону и книжку, по которой я получаю 320 р. Но я не ожидалъ, что меня такъ жестоко обидятъ, лишонъ свободы, какъ больной человекъ, лежу въ больницѣ и хожу съ двумя конв(ой)ными солдатами и со штыками. Что я такой за преступникъ и сдѣлалъ уголовнаго дѣла! Излагаю все вышеописанное и прошу Ваше Высокоблагородіе войти (въ) мое положеніе и заключеніе». Н. Г. К. При этомъ онъ называлъ себя Козачковымъ, а не Чижевскимъ, или Петерсономъ.

При допросѣ судебнымъ слѣдователемъ о происшествіи въ Ковеегахъ, К. показалъ, что во всемъ вводимомъ на него онъ виновнымъ себя не признаетъ. Обстоятельства драки съ телеграфистомъ К. объясняетъ такъ: «я зашелъ къ телеграфисту и засталъ его лежащимъ въ постели съ женою сторожа, и когда началъ его укорять въ развратномъ поведеніи, то она вскочила съ

постели и ударила меня въ ухо, за что я ее въ свою очередь ударилъ, послѣ чего на меня набросился телеграфистъ и началъ наносить мнѣ побои, на которые въ отвѣтъ я порвалъ на немъ мундиръ и сорвалъ погоны». При этомъ К. добавлялъ, что когда привели его въ расправу, то тамъ его обыскивалъ старшина и между прочими вещами нашелъ портмоне съ 15 к., которыя ему тотъ-часъ и возвратилъ.

30 мая К. подалъ заявленіе на имя г. прокурора харьковскаго окружного суда объ освобожденіи его изъ-подъ караула и обязательствъ подпискою никуда не выѣзжать. 21 іюня К. дѣлаетъ новое заявленіе на имя судебного слѣдователя, прося: во 1-хъ, розыскать вещи, которыя были съ нимъ въ поѣздѣ; во 2-хъ, отобрать очки у телеграфиста, которыя стоятъ 3 руб., и отобрать жилетъ, стоящій 3 руб. и заложенный у буфетчика за 1 р.,— вмѣстѣ съ тѣмъ добавляетъ, что его совершенно неправильно арестовали, такъ-какъ въ поѣздѣ онъ держалъ себя весьма прилично.

Іюля, безъ числа, К. дѣлаетъ вновь заявленіе, въ которомъ во многомъ укоряетъ судебного слѣдователя и, дабы не подвергать его, слѣдователя, отвѣтственности, требуетъ отъ него исполненія слѣдующихъ условій: въ 1-хъ, выдать копію протокола судебного слѣдователя г. Кременчука о вскрытіи сундука К., такъ-какъ онъ слышалъ, что многія изъ его вещей пропали; во 2-хъ, отобрать у старшаго унтеръ-офицера станціи Ковега портмоне съ 15 руб. 48 коп. денегъ, которыя взяты имъ были у К. при арестованіи; въ 3-хъ, взыскать съ начальника станціи 30 руб. за пропавшія въ поѣздѣ вещи К., и, въ 4-хъ, дать ему, К., свободу и отдать его только подъ надзоръ полиціи.

28 іюля новое заявленіе, въ которомъ жалуется на то, что его содержатъ въ больницѣ какъ сумасшедшаго, жалуется на запрещеніе ему курить; требуетъ взысканія съ начальника станціи 30 руб., а съ жандарма 15 руб. 48 коп.; требуетъ копію

съ протокола судебного слѣдователя г. Кременчуга и наконецъ требуетъ взысканія съ попечителя острога 7 р. за пропажу брюки.

Слѣдующее заявленіе, безъ числа и мѣсяца, въ которомъ К. сообщаетъ, что получилъ копію протокола судебного слѣдователя г. Кременчуга со спискомъ своихъ вещей; проситъ прислать его собственный списокъ, который онъ имѣлъ, когда уѣзжалъ изъ Москвы, для памяти, и заявляетъ о пропажѣ изъ чемодана 315 р., которыя онъ везъ матери.

Еще заявленіе о пропажѣ его, К., вещей въ вагонѣ и объ отобраніи заложенного жилета у артельщика, а не у буфетчика и очковъ у телеграфиста.

Въ заключеніе его переписки перехвачено было письмо къ женѣ, въ которомъ научаетъ ее сдѣлать показаніе судебному слѣдователю на допросѣ, что онъ, К., везъ съ собою 315 р. въ чемоданѣ, при чемъ 300 р. были сторублевыми, а 15 руб. пятирублевыми билетами. Далѣе, онъ посылаетъ ей списокъ вещей, какія она должна показать на допросѣ, суммою на 1500 руб., при чемъ обѣщаетъ ей выслать послѣ того рублей 500, чтобы она могла купить себѣ всего, что ей нужно.

Наконецъ уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ К. пишетъ еще одно заявленіе на имя прокурора окружного суда А. А. Башкирова, въ которомъ К. извѣщаетъ его, что онъ совершенно здоровъ и проситъ ускорить его дѣло. Это заявленіе было писано уже въ земской больницѣ, гдѣ онъ находился тогда на испытаніи.

Находясь въ арестантскомъ отдѣленіи при валковскомъ полицейскомъ управленіи вмѣстѣ съ другими арестантами, К., въ ночь съ 31 мая на 1 іюня, предложилъ имъ бѣжать изъ арестантской и для этого избралъ способъ — поджечь арестантскую. Для исполненія своего плана, К. намоталъ на палочку тряпку, зажегъ ее, разбилъ окно и бросилъ горящую тряпку по соломенной крышу (стриху) зданія; но она не попала по

значенію, а упала на шинель спавшаго подъ окномъ полицейскаго солдата, которую и прожгла. Вслѣдствіе этого К. былъ переведенъ изъ арестантскаго отдѣленія въ тюремный замокъ.

Находясь въ тюремной больницѣ, К. похвалялся подпалить больничные матрацы и произвести пожаръ, чтобы дать возможность въ суматохѣ уйти арестантамъ, а доктора и другихъ — побить. При утренней визитаціи доктора, К. однако ограничился тѣмъ, что, обвязавъ себѣ голову и глаза утиральникомъ, сталъ предъ докторомъ на-колѣни и обзывать его «ваше высокоблагородіе». Находя у К. только лицо красное и глаза налитые кровью, докторъ выписалъ его, какъ здороваго, причиняющаго безпокойство больнымъ своимъ буйнымъ характеромъ.

Въ тюремномъ замкѣ, К., 28 іюля, чрезъ окно зданія верхняго этажа бранилъ воинскаго начальника въ то время, когда послѣдній занимался обученіемъ солдатъ. Безъ всякаго рѣшительно повода со стороны послѣдняго, К. началъ его бранить матерными словами, рыжей собакой и общался, по выходѣ изъ тюрьмы, выпустить ему кишки, такъ-какъ ему все равно идти въ Сибирь.

Съ первыхъ же дней поступленія въ тюремный замокъ, у К. замѣчены были окружающими странности, указывающія на ненормальное состояніе умственныхъ способностей К. Странности эти выражались въ постоянныхъ ссорахъ съ арестантами, безъ всякаго повода со стороны послѣднихъ, — дерзостяхъ, наносимыхъ должностнымъ лицамъ при ихъ появленіи въ тюрьму, въ отсутствіи сна почти въ теченіи цѣлыхъ сутокъ. К. ложился спать часовъ въ 9-ть или 10-ть и спалъ не болѣе одного часа, за-тѣмъ вставалъ и начиналъ кричать, подражая разнымъ животнымъ: то запоетъ пѣтухомъ, закричитъ перепеломъ, закукуетъ кукушкой, то заржетъ по-лошадиному и залаетъ по-собачьи, — продолжая это до самаго разсвѣта, не обращая вниманія ни на просьбы, ни на требованія окружающихъ. Поэтому аре-

станты просили смотрителя избавить ихъ отъ такого сожителя.

На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ фактовъ, судебный слѣдователь нашелъ возможнымъ и необходимымъ прислать К. въ психіатрическое отдѣленіе харьковской губернской земской больницы для испытанія его умственныхъ способностей, — куда онъ и поступилъ 10 сентября 1878 года.

Въ палатѣ испытуемыхъ К. пробылъ 2 мѣсяца. Въ теченіи всего этого времени К. не обнаружилъ никакихъ ни психическихъ, ни физическихъ заболѣваній и выписанъ былъ, какъ здоровый въ данный моментъ. —

Принимая во вниманіе болѣзневую наслѣдственность, пьянство самого К., неоднократные кратковременные приступы болѣзни, внезапное начало и окончаніе болѣзни, отсутствіе воспоминанія у К. о предыдущихъ приступахъ и также картину самыхъ приступовъ, — можно прійти къ заключенію, что у К. во время совершенія преступленій былъ приступъ хроническаго эпилептическаго помѣшательства.

Мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ объ этой формѣ болѣзни.

Этотъ психо-неврозъ до такой степени варьируетъ въ различныхъ случаяхъ, что нерѣдко можно указать при этомъ въ радикально противоположные симптомы.

Самое строгое опредѣленіе эпилепсін будетъ: это есть болѣзнь, характеризующаяся *нетипическими приступами конвульсій, сопровождающимися потерей сознанія и чувствительности*. Такимъ образомъ болѣзнь одновременно касается всѣхъ трехъ сферъ душевной дѣятельности: мыслительной, чувствительной и двигательной, при-чемъ первыя двѣ, чувствительная и мыслительная сферы, обнаруживаютъ чисто негативное участіе, — онѣ выводятся изъ круга душевной дѣятельности, не реагируютъ на раздраженіе. Мускульная сфера, напротивъ, обнаруживаетъ ак-

тивное участіе рядомъ тоническихъ и клоническихъ судорогъ всего организма.

Къ комплексу вышеуказанныхъ явленій въ полныхъ приступахъ эпилепсіи присоединяются явленія со стороны автоматической системы, какъ — блѣдность лица, расширеніе зрачковъ, ускоренный пульсъ и пр. Явленія эти на-столько постоянны, что нѣкоторые авторы, хотя не вполне основательно, считаютъ ихъ даже патогномическими. Сплошь и рядомъ къ этимъ явленіямъ присоединяются, какъ продромы, уклоненія со стороны чувствительной сферы, какъ — иллюзіи и галлюцинаціи.

Представивъ себѣ такой шаблонъ для классическихъ случаевъ эпилепсіи, мы должны сказать, что отъ этого шаблона наблюдаются самыя разнообразнѣйшія уклоненія. Разнообразіе это можетъ касаться всѣхъ сферъ душевной дѣятельности.

I. Начнемъ съ двигательной сферы, такъ-какъ въ ней — самыя рѣзкія явленія въ классическихъ случаяхъ припадковъ. При сохраненіи прежнихъ условій со стороны мыслительной и чувствительной сферы, т. е. при полномъ отсутствіи сознанія и нечувствительности, судороги могутъ являться самой разнообразной интенсивности и количества. Такъ, напр., въ самыхъ рельефныхъ случаяхъ судороги обхватываютъ всѣ мускулы произвольнаго движенія въ организмѣ въ равной мѣрѣ. Въ другихъ случаяхъ онѣ также касаются всѣхъ мускуловъ организма, только на одной сторонѣ судороги сильнѣе, а на другой слабѣе. Еще въ иныхъ случаяхъ судороги касаются одной только стороны тѣла, вовсе не затрагивая другой. Бываютъ болѣе легкіе случаи, когда судороги являются только лишь въ той или другой конечности и въ лицѣ, или же легкія подергиванія одного только лица, причемъ всѣ остальные мускулы организма остаются совершенно покойными.

Всѣ вышеприведенные случаи эпилептическихъ судорогъ съ полною потерей сознанія и чувствительности носятъ названіе

«полная эпилепсія». Въ противоположность тому существуютъ случаи заболѣванія, которые носятъ названіе *неполной эпилепсiи*. Отличительный признакъ этихъ случаевъ будетъ присутствіе сознанія и акція чувствительности въ моментъ самаго припадка. Въ то время, когда больного всего исковеркиваетъ конвульсіями, онъ слышитъ, что вокругъ него говорятъ, и оставляетъ въ сознаніи то, что вокругъ него въ этотъ моментъ дѣлается, — хотя въ большинствѣ это сознаніе бываетъ неясно, неточно, сбивчиво.

Всѣ разновидности этой категоріи заболѣваній носятъ названіе *épilepsie grand-mal* или *haut-mal*.

II. Какъ-бы въ противоположность этой категоріи заболѣваній существуетъ другая, которая носитъ названіе *épilepsie petit-mal* (*absence, vertigo epileptica* и проч.). Эта категорія заболѣваній эпилептическихъ представляетъ варіаціи, какъ-бы еще не большія, чѣмъ предыдущая. Самый простой случай эпилепсiи *petit-mal*, это — моментальная потеря сознанія у даннаго субъекта на нѣсколько секундъ. Индивидъ говоритъ съ вами, дѣлаетъ что-нибудь, — вдругъ онъ прерываетъ на 2—5 секундъ разговоръ и затѣмъ опять продолжаетъ прерванное. Упомянутыя 2—5 секундъ рѣшительно не существуютъ для него, онъ ихъ не помнитъ, — въ сознаніи эпилептика этотъ интервалъ отсутствуетъ, и перерыва между концомъ его рѣчи и началомъ вновь какъ-бы не было. Это будетъ въ полномъ смыслѣ слова *absence*, отсутствіе сознанія, какъ въ самый моментъ пораженія, такъ и сознанія того, что съ даннымъ субъектомъ было что-то.

Мнѣ неоднократно приходилось наблюдать подобные случаи *absence* у одного очень интеллигентнаго эпилептика. Интереснѣе всего то, что *absence* начинается всегда въ моментъ разговора. Предъ моментомъ наступленія *absence* больной нѣсколько мгновеній учашалъ рѣчь, какъ-бы спѣша докончить ее. Но затѣмъ моментально лицо блѣднѣло, глаза выпячивались и становились

неподвижными, зрачки расширялись и не реагировали, — наступала полная потеря реакціи во всемъ организмѣ, лицо выпячивалось, пульсъ становился малымъ и учащеннымъ, и затѣмъ, спустя 4 — 6 секундъ, субъектъ оканчивалъ начатую фразу, какъ-бы въ этотъ моментъ у него была отрыжка. Никакого сознанія, никакого подозрѣнія, что съ нимъ сію секунду было что-то, никогда у этого эпилептика не бывало. Если онъ говорилъ что-либо веселое и хохоталъ, то онъ точно такъ-же продолжалъ этотъ хохотъ, какъ-бы для него не существовало никакого интервала. Двигательная и чувствительная сферы душевной дѣятельности не обнаруживаютъ въ моментъ *absence* никакой активности.

Организмъ остается только при однихъ автоматическихъ отвлеченіяхъ, имѣетъ подобіе организма растительнаго царства, лишаясь всѣхъ симптомовъ животной дѣятельности, или уже — душевной дѣятельности.

Этотъ видъ эпилепсіи прекрасно разработанъ французскими авторами, особенно же J. Falret и Trousseau.

Варианціи этого вида эпилепсіи крайне разнообразны. Бываютъ случаи, когда у больного начинается головокруженіе. Вокругъ него всѣ предметы вертятся и самъ больной какъ-то начинаетъ закруживаться и приходитъ, наконецъ, въ минутное безсознательное состояніе. Послѣ припадка, больной ничего не помнитъ о случившемся; но нерѣдко чувствуетъ себя разбитымъ, изнуреннымъ и изможденнымъ. Бываютъ случаи полного забвенія о самомъ приступѣ безпамятства; хотя въ самый моментъ этого *absence*, въ самый моментъ этого приступа, субъектъ не только не остается пассивнымъ, а напротивъ — совершаетъ нерѣдко самыя сложныя манипуляціи и поступки. Въ высокой степени интересные и поучительные примѣры этого рода приводитъ проф. Труссо¹. У одного молодого музыканта на виолинѣ

¹ Труссо, Клиническія лекціи. Вып. 1-й. 1867. стр. 66.

нерѣдко являлись приступы эпилептического головокруженія. «Странно сказать, пациентъ продолжаетъ играть во время припадка, и хотя совершенно не сознаетъ окружающаго, не слышитъ и не видитъ тѣхъ, кому онъ аккомпанируетъ, но продолжаетъ играть въ тактъ».

Тотъ-же авторъ передаетъ другой случай: архитекторъ, живущій въ Парижѣ и долго страдающій эпилецією, не боится всходить на самыя высокія строящіяся зданія, хотя ему извѣстно, что у него являлись часто припадки, когда онъ проходилъ по узкимъ доскамъ на значительной высотѣ; съ нимъ никогда не случалось непріятнаго происшествія, хотя во время припадка онъ быстро бѣжитъ по перекладинамъ, произнося своимъ громкимъ, отрывистымъ голосомъ. Спустя четверть минуты онъ снова принимается за занятія и даетъ приказанія работникамъ; но онъ не знаетъ о странномъ своемъ поступкѣ, если не сказать ему о немъ.

Еще одинъ крайне интересный случай передаетъ проф. Трусо объ одномъ президентѣ трибунала. Однажды, во время засѣданія въ судѣ, онъ встаетъ съ своего мѣста, шепчетъ нѣсколько несвязныхъ словъ, отправляется въ залу и возвращается нѣсколько минутъ спустя, не сознавая того, что сдѣлалъ. На вопросъ товарищей, гдѣ онъ былъ, онъ не припомнилъ, что вставалъ съ мѣста. Вскорѣ послѣ этого, когда онъ уходилъ въ первый разъ, швейцару приказали слѣдить за нимъ. Швейцаръ увидалъ, что онъ вошелъ въ залу и вымочился въ уголъ, послѣ чего возвратился на свое мѣсто, вовсе не зная ничего о своемъ поступкѣ.

Такимъ образомъ оказывается, что въ тотъ моментъ *absence*, безпамятства, когда одни больные находятся въ состояніи полной недѣятельности, — другіе, напротивъ, совершаютъ самыя сложныя, цѣлесообразныя и разумныя дѣйствія и поступки. При этомъ, какъ въ моментъ этого приступа они рѣшительно не разсуждаютъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которые предшествовали, и

ничего этого не помнить; такъ точно, послѣ приступа, эпилептики рѣшительно ничего не помнить о томъ, что они совершали въ моментъ приступа. Въ общей массѣ душевной дѣятельности въ этотъ моментъ вводится совершенно новая величина, которая стоитъ себѣ изолированно, совершенно особнякомъ, не имѣя никакой связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ.

Это явленіе представляется такъ, какъ-бы изъ общей суммы душевной дѣятельности вынималась частица ея и замѣнялась другою, хотя и весьма похожую, эквивалентною, но неоднородною, почему она и остается безъ всякой связи съ другими, совершенно особнякомъ.

Замѣчательное явленіе: бывають случаи, особенно когда подобные приступы повторяются часто, что больные *во время* приступа *petit-mal*, забывая совершенно все то, что было *до* и *послѣ* приступа, забывая всю свою жизнь и обстановку, — ясно помнить все предыдущіе приступы, припоминають, что они говорили, дѣлали, проектировали, ораторствовали и пр. Эти субъекты являются живущими какъ-бы двойною жизнью: одна — при обыкновенныхъ условіяхъ и другая — во время приступа; причемъ во время первой они ничего не помнить о второй, а во время второй ничего не помнить о первой.

Мнѣ приходилось наблюдать одинъ подобный случай въ Харьковѣ. Это былъ мальчикъ, сынъ доктора. На него нерѣдко находили припадки, по всемъ деталямъ, эпилептического буйства. Въ это время онъ считалъ себя героемъ, полководцемъ, императоромъ, ораторомъ и проч. Все, что онъ говорилъ и дѣлалъ въ предыдущій припадокъ, онъ ясно и рельефно вспоминалъ и продолжалъ дѣлать съ того, на чемъ остановился. Проходитъ 2—3 часа; больной приходитъ въ нормальное состояніе и ни слѣда понятія о томъ, что съ нимъ было. Равнымъ образомъ въ періодъ жизни приступовъ онъ ничего не сознаетъ и не помнить изъ нормальной жизни.

Таковы болѣе частые случаи простой некомбинированной эпилепсін. Уже это короткое изложеніе указываетъ до какой степени могутъ варіироваться и разнообразиться основныя формы эпилепсін. Варіаціи эти могутъ доходить до совершенной противоположности явленій относительно первообраза или основной формы.

Можно спросить: на какомъ же основаніи эти самыя разнообразныя проявленія относятся къ одной категоріи? Не принимая во вниманіе этиологическихъ условій, способа проявленія и обстоятельствъ, при которыхъ эти припадки обнаруживаются, — уже одна совмѣстность этихъ припадковъ въ одномъ и томъ-же случаѣ и перѣдка замѣна одного припадка другимъ заставляютъ всѣ эти разнообразныя проявленія болѣзни относить къ одной категоріи.

Это будутъ случаи простой эпилепсін (*epilepsia simplex*).

Но есть еще случаи комбинированной эпилепсін, гдѣ явленія простой эпилепсін осложняются явленіями и приступами эпилептического помѣшательства или приступами психическихъ экстазовъ. Уже послѣдняя, разсмотрѣнная нами, разновидность эпилепсін *petit mal* служить какъ-бы соединительнымъ звеномъ случаевъ простой эпилепсін съ случаями эпилепсін комбинированной.

Случаи комбинированной эпилепсін носятъ еще названіе эпилептического помѣшательства, скрытой эпилепсін (*epilepsia latens*), эпилептической маніи, психической эпилепсін и проч.

Разработкѣ ученія о психической эпилепсін мы обязаны первѣе всего французскимъ психіатрамъ. Въ послѣднее время этотъ вопросъ становится на болѣе прочную почву при содѣйствіи особенно германскихъ и русскихъ психіатровъ. Можно надѣяться, что дружная и усердная работа доведетъ этотъ вопросъ до полной ясности и законченности, въ настоящее же время онъ въ младенческомъ состояніи.

Прежде всего является вопросъ: есть ли въ психической эпилепсін или эпилептическомъ помѣшательствѣ что-либо столь ха-

ракторное и специфическое, чтобы эту форму помѣшательства, связанную съ припадками простой эпилепсіи, можно было считать какъ отдѣльный, самостоятельный видъ психоза?

Простая эпилепсія находится въ тroyкомъ отношеніи къ душевнымъ разстройствамъ: во 1-хъ, рядомъ съ приступами эпилептическихъ судорогъ можетъ существовать меланхолія, маниа и проч. безъ всякаго отношенія и связи этихъ болѣзней между собою, все равно какъ эпилептикъ можетъ страдать лихорадкою, сифилисомъ, совершать преступленіе и проч. При этомъ, разумѣется, будетъ фактъ осложненія эпилепсіи психозомъ; но это вовсе не будутъ случаи комбинированной эпилепсіи, гдѣ аномаліи психическія находятся въ связи съ неврозомъ. Это будутъ случаи комплицированной эпилепсіи, гдѣ эпилептический неврозъ комплицируется тѣмъ или другимъ психозомъ совершенно независимо одинъ отъ другого.

2. Второе отношеніе эпилептического невроза къ психозамъ — когда, при продолжительной и интензивной эпилепсіи, эпилептикъ сплoшь и рядомъ подъ конецъ своей жизни переходитъ въ слабоуміе. Въ этомъ случаѣ эпилепсія служитъ прямымъ и непосредственнымъ этиологическимъ моментомъ для наступленія слабоумія.

3. Наконецъ, третье отношеніе эпилептического невроза къ психозамъ — когда психозъ есть непосредственное продолженіе невроза или замѣна одного другимъ. Въ послѣднемъ случаѣ между психозомъ и неврозомъ можетъ существовать генетическая связь, и въ этихъ-то случаяхъ помѣшательство въ-правѣ быть названнымъ психическою эпилепсіею.

Что касается первой категоріи отношеній эпилептического невроза къ психозамъ, то она имѣетъ только лишь чисто медицинское значеніе о вліяніи невроза на теченіе психоза, или же, на-оборотъ, психоза на теченіе невроза, а потому въ данномъ случаѣ мы этихъ отношеній не будемъ касаться.

Гораздо больший интерес представляет для нас влияние эпилепсии на характер и умственную деятельность человека вообще, в промежутки между припадками. Не подлежит сомнению тот факт, что эпилепсия в концѣ концов приводит эпилептиковъ къ слабоумію. Слабоуміе не начинается сразу, безъ предуготовительнаго періода; такъ: сегодня субъектъ умный, а завтра проснулся — слабоумный; а этому наступленію слабоумія долженъ предшествовать долгій-долгій рядъ различныхъ измѣненій въ умственныхъ и нравственныхъ способностяхъ индивида, пока наконецъ мы въ состояніи констатировать фактъ наступленія слабоумія.

Весьма важно и интересно прослѣдить этотъ процессъ перехода человека въ слабоуміе подъ влияніемъ эпилептического психоневроза, какъ съ точки зрѣнія чисто клинической, такъ и особенно съ судебно-психіатрической.

Нѣтъ ничего затруднительнаго, какъ давать заключеніе о состояніи умственныхъ способностей человека въ тотъ моментъ, когда онъ находится на рубежѣ между здоровымъ и болѣзненнымъ состояніемъ. Несомнѣнно, что эпилепсія производитъ въ характеръ и интеллектъ человека какія-то измѣненія, которыя шагъ за шагомъ ведутъ его въ слабоуміе. Нѣтъ сомнѣнія, что человекъ, во время этого путешествія къ слабоумію, по своей правоспособности и криминальной отвѣтственности не можетъ становиться въ-уровень съ людьми нервно и психически здоровыми, а между-тѣмъ доказать психическую болѣзненность во-очію, доказать фактически въ большинствѣ случаевъ бываетъ невозможно или въ высшей степени затруднительно.

Мы не можемъ останавливаться долго на разсмотрѣніи судебно-психіатрическаго значенія этого вопроса, при всемъ его живѣйшемъ интересѣ, такъ-какъ спеціальнѣйшій нашъ случай мало подходитъ подъ эту рубрику, и потому упомянемъ только вкратцѣ, предоставивъ въ будущемъ поговорить болѣе подробно, такъ-какъ

въ нашей практикѣ былъ одинъ судебно-психіатрическій случай, подходящий къ этой категоріи.

Вліяніе припадковъ эпилептическихъ судорогъ (*grand-mal*) и эпилептического головокруженія и безпамятства (*petit-mal*) на характеръ и интеллектъ человѣка не подлежитъ никакому сомнѣнію, — только вліяніе это находится въ зависимости отъ возраста и индивидуальности.

Если припадки падучей болѣзни являются съ дѣтства, то въ большинствѣ случаевъ индивидъ лишается возможности пріобрѣтать какія-бы то ни было познанія и потому остается безъ всякихъ знаній. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ слабоуміе является какъ-бы отъ рожденія, и такіе субъекты причисляются къ категоріи идіотовъ. — Эпилепсія можетъ появляться на 10—15 году жизни, когда у субъекта уже есть кой-какой запасъ знаній о самомъ себѣ и окружающей обстановкѣ; вліяніе эпилепсії на такихъ индивидовъ будетъ проявляться въ двоякомъ направленіи: во 1-хъ, дальнѣйшее развитіе умственныхъ способностей прекращается, наступаетъ состояніе пріостановленнаго развитія (*imbecillitas*); и, во 2-хъ, тѣ свѣдѣнія, которыя уже пріобрѣтены были до сихъ поръ, мало-по-малу исчезаютъ и субъектъ превращается въ состояніе полного слабоумія.

Въ этомъ періодѣ развитіе слабоумія идетъ гораздо быстрее и полнѣе, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ, потому что въ данный моментъ пріобрѣтенныя знанія и свѣдѣнія не настолько прочны, чтобы обнаружить сопротивленіе болѣзнетворному элементу. Разумѣется, не во всѣхъ случаяхъ появленія эпилепсії въ дѣтскомъ возрастѣ бывають одинаковые результаты, а находится въ зависимости отъ индивидуальности субъекта, наслѣдственности, семейнаго расположенія, интенсивности припадковъ и многихъ другихъ условій.

Что касается измѣненій умственныхъ способностей и характера *взрослыхъ людей* подъ вліяніемъ эпилепсії, то они бы-

вають очень разнообразны. Одно можно сказать, что измѣненія эти происходят исподоволь, потихоньку, совершенно незамѣтно.

При тщательномъ вниманіи можно наблюдать эти уклоненія въ троякомъ направленіи.

1. Эпилептики мало-по-малу становятся злы, раздражительны, вспыльчивы, придирчивы, сварливы, тогда какъ до сихъ поръ они были тихаго и кроткаго нрава. Изъ людей трудолюбивыхъ они дѣлаются небрежными, лѣнивыми, неподвижными, не хотятъ работать для насущнаго хлѣба и вслѣдствіе этого дѣлаются вполне безнравственными: воровство, ложь, обманъ, притворство, нахальство и дерзость — вотъ атрибуты ихъ душевной дѣятельности. Въ этомъ переходномъ періодѣ къ слабоумію нерѣдко у такихъ субъектовъ можно наблюдать очень рельефную форму благопріобрѣтеннаго нравственнаго помѣшательства. Рядомъ съ этимъ отупѣніемъ чувства дѣйствительности къ самому себѣ и къ окружающимъ, у эпилептиковъ начинается слабѣть память: способность воспроизведенія прежде бывшихъ представлений и способность усвоенія впечатлѣній даннаго времени; является дефектъ въ области сужденій, неправильность выводовъ и, естественно, нелѣпость поступковъ.

2. Другіе эпилептики, напротивъ, подъ гнетомъ этого бича божія — эпилепсіи, становятся тихи, кротки, послушны, исполнительны и совершенно индифферентны ко всему окружающему. У этихъ людей прежде всего теряется инициатива дѣйствія; они бывають способны работать только лишь по указанію другого. Мало-по-малу они теряють и сообразительность и точно выполняютъ только то, въ чемъ не требуется особенной сообразительности и умственной работы. Эти индивиды чуждаются общества, они имъ стѣняются, дѣлаются робкими и боязливыми и мало-по-малу, совершенно незамѣтно, переходять въ тупоуміе и автоматизмъ.

3. Еще у иныхъ развивается особенная религіозность. Сначала они ищутъ въ религіи своего избавленія и спасенія отъ болѣзни, за-тѣмъ — утѣшеніе въ безнадежности и наконецъ религія становится насущною потребностію. У нѣкоторыхъ эпилептиковъ религіозное увлеченіе можетъ приводить ихъ въ экстазъ и грандіознѣйшія галлюцинаціи¹.

По этимъ тремъ путямъ эпилепсія низводитъ людей здоровыхъ, умныхъ, дѣятельныхъ и нравственныхъ въ состояніе слабоумія.

III. Третье отношеніе эпилептического невроза къ психозамъ, это — *комбинированная эпилепсія*. Явленія этого рода психоза до такой степени характерны и специфичны, что съ правомъ могутъ составлять отдѣльный видъ психоза — *психическую эпилепсію*.

Комбинація психического приступа съ неврозомъ можетъ быть очень разнообразна: приступъ эпилептического помѣшательства можетъ быть предъ припадкомъ эпилептическихъ судорогъ; приступъ эпилептического помѣшательства можетъ быть послѣ припадка эпилептическихъ судорогъ; припадокъ эпилептическихъ судорогъ можетъ являться въ срединѣ приступа эпилептического помѣшательства, составляя какъ-бы интервалъ его²; наконецъ приступъ эпилептического помѣшательства можетъ являться одновременно въ комбинаціи съ припадкомъ эпилептическихъ судорогъ³.

Почти всегда приступъ эпилептического помѣшательства слѣдуетъ рядомъ, безъ промежутковъ, съ припадкомъ эпилептическихъ судорогъ. Но бываютъ случаи, когда припадки эпилептическихъ судорогъ удалены отъ приступа эпилептического помѣ-

¹ Маудсли, Ответственность при душевныхъ болѣзняхъ, стр. 304.

² Ковалевскій, Судебно-психіатрическая казуистика. Моск. мед. газет. 1878 года.

³ Ковалевскій, Случай эпилептического буйства, прекращенный приложеніемъ мѣстно-анестезирующихъ средствъ. Моск. мед. газет. 1875 г.

шательства довольно большим промежуткомъ времени; такъ, наприм., Фальре упоминаетъ, что въ одноѣ случаѣ болѣзни припадки судорогъ не появлялись 21 годъ и за-тѣмъ наступилъ приступъ помѣшательства, — а Маудсли указываетъ на подобный же случай чрезъ 40 лѣтъ¹.

Припадки психической эпилепсiи дѣлятся на двѣ категорiи, соотвѣтственно припадкамъ соматической эпилепсiи: *grand-mal* и *petit-mal*.

Мы позволимъ себѣ охарактеризовать симптомы этихъ болѣзней словами тѣхъ авторовъ, которые наиболѣе трудились въ этомъ отношенiи.

Petit-mal, по Маудсли², «состоитъ въ большой спутанности мыслей, сопровождаемой перѣдко внезапными порывами бѣшенства. Страдающiе этою болѣзнію становятся печальными и угрюмыми безъ всякихъ внѣшнихъ причинъ; страшно тоскуютъ и относятся съ большимъ раздраженiемъ къ окружающимъ; жалуются на потерю памяти и тяжесть головы; не могутъ собрать и остановить своихъ мыслей; сознаютъ съ глубокимъ горемъ, что они не прежніе, что они побуждаются къ страшнымъ или насильственнымъ поступкамъ какою-то силой, которой они не въ состоянiи сопротивляться. Подъ влiянiемъ неопредѣленной тоски или боязни они покидаютъ свои дѣла и бродятъ по улицамъ или окрестностямъ³; всѣ тяжелыя мысли, тревожившія ихъ въ разное время жизни, воскресаютъ въ памяти и преслѣдуютъ ихъ; все существо ихъ поглощается какимъ-то смутнымъ чувствомъ безпокойства и ужаса. Въ этомъ мрачномъ настроенiи они на-

¹ Маудсли, I. с. стр. 293.

² I. с. стр. 300.

³ Не могу не упомянуть при этомъ выдающагося случая, описаннаго докторомъ Rotte въ *Psych. Centralblatt*. 1877 г. и за-тѣмъ переданнаго мною въ Моск. мед. газ. за 1878 г., гдѣ нисколько предъ преступленiемъ очень долго бродилъ внѣ дома подъ влiянiемъ мучившей его тоски.

чинають обвинять друзей во враждебных чувствах и воображают себя жертвами преслѣдованій, существующихъ только въ ихъ больной фантазіи; не рѣдко совершаютъ они въ это время преступленія, кражи, поджоги, самоубійства или убійства; одни находятъ облегченіе въ уничтоженіи неодушевленныхъ предметовъ, другіе ламають себя жизни, чтобы избавиться отъ этого невыносимаго состоянія; нѣкоторые въ сильной ярости нападаютъ на людей, встрѣтившихся имъ случайно въ то время, когда тоска и тревога сдѣлала ихъ порывы неудержимыми. Когда совершенно насильственное дѣйствіе, является тогда внезапное облегченіе; неопредѣленное безпокойство и спуганность мыслей исчезаютъ, больные приходятъ въ себя, иногда же они продолжаютъ оставаться въ возбужденномъ состояніи, не сознавая вовсе или сознавая смутно значеніе своего поступка. Когда они приходятъ въ себя, память ихъ невѣрна и отуманена, какъ у человека, просыпающагося послѣ тяжелаго кошмара; они отрывочно припоминаютъ факты, которые другіе стараются пробудить въ ихъ памяти, или же совершенно отрицаютъ ихъ».

То-же самое говорить и Фальре, только онъ добавляетъ, еще одно важное обстоятельство: «Когда пациенты приходятъ въ себя, или непосредственно послѣ насильственнаго поступка, который составляетъ кризисъ ихъ припадка, или спустя нѣкоторое время, они иногда бываютъ въ состояніи припомнить многія подробности поступковъ, послѣдовавшихъ во время припадка; но припоминанія ихъ бывали всегда неясны. *Неясность эту ошибочно принимали за притворство; но она совершенно истинна и характеризуетъ это умственное состояніе.* Эпилептики находятся слѣдовательно въ состояніи, какое наступаетъ за тягостнымъ сновидѣніемъ. Главныя обстоятельства припадка ускользаютъ отъ нихъ, почему они начинаютъ съ того, что отвергаютъ тѣ поступки, въ которыхъ обвиняютъ ихъ; но

постепенно они припоминают нѣкоторыя подробности, которыя сперва, казалось, забыли»¹.

Но бываетъ и на-оборотъ, что тотъ - часъ послѣ припадковъ больные еще кое-что помнятъ и въ состояніи передать обстоятельства дѣла, но за-тѣмъ забываютъ не только объ обстоятельствахъ дѣла, но даже и о томъ, что говорили они о себѣ. Это прекрасно доказывается наблюденіями Samt'a².

Grand-mal intellectuel Фальре описываетъ такъ: «эпилептическая манія отличается тѣмъ, что она наступаетъ быстрѣе, чѣмъ остальные формы маніи. Иногда ей не предшествуютъ никакіе продромы; въ другихъ же случаяхъ, напротивъ, являются нѣкоторые предварительные симптомы, какъ — головная боль, рвота, инъекція и особый блескъ глазъ, измѣненіе голоса, легкія конвульсіи лица или членовъ; иногда психическіе симптомы состоятъ въ угрюмости, раздражительности и скоромъ возбужденіи. Но эти продромы являются только за нѣсколько часовъ и то — въ самыхъ сильныхъ приступахъ маніи. Другой не менѣе важный признакъ эпилептической маніи — абсолютное сходство всѣхъ припадковъ у одного и того-же паціента не только въ цѣломъ, но и въ подробностяхъ»⁴.

Во время этихъ приступовъ эпилептики обнаруживаютъ большую часть тѣхъ психическихъ явленій, какія характеризуютъ маниакальное состояніе вообще. Ходъ представленій очень усиленъ. Они говорятъ безъ-умолку, у нихъ проходятъ безъ остановки самыя разнообразныя ряды идей, и ихъ поступки также безпорядочны, какъ ихъ рѣчи безсвязны. Особенный видъ ихъ волненія, замѣченный всѣми писателями, состоитъ въ чрезвычайной стремительности ихъ насильственныхъ поступковъ, побуж-

¹ Falret. Annal. méd. psychol. 1873.

² Samt. Arch. f. Psychiatrie. Bd. V. Hft. 2. S. 402.

³ Falret. l. c.

⁴ То-же утверждаетъ и Erlenmeyer.

дающей ихъ дѣйствовать съ бѣшенствомъ противъ всего окружающаго: кусать, разрывать, кричать безъ-устали и биться головою о стѣны. Это состояніе возбужденія, переходящее въ бѣшенство, доходить тогда до такой степени, что такіе пациенты составляютъ самый опасный классъ помѣшанныхъ; ихъ вездѣ боятся въ больницахъ и ихъ можно удерживать только самыми обуздывающими мѣрами.

Столь-же характерный симптомъ для этого вида болѣзни — мрачный характеръ преобладающихъ у нихъ идей и частныя галлюцинаціи подобнаго же ужасающаго свойства, — галлюцинація слуха, обонянія и особенно зрѣнія¹. У нихъ почти постоянныя видѣнія: они видятъ страшные предметы, призраки вооруженныхъ людей, бросающихся на нихъ съ цѣлю убійства. Они видятъ постоянно блестящіе предметы, пламя, огненные круги; достойно замѣчанія то обстоятельство, что видъ крови и красныхъ цвѣтовъ часто преобладаетъ въ ихъ видѣніяхъ. Не смотря на беспорядочность и стремительность дѣйствій эпилептиковъ, языкъ ихъ обыкновенно менѣе несвязенъ, чѣмъ рѣчи многихъ умопомѣшанныхъ². Меньшая степень безсвязности, бреда и большая ясность идей во время припадковъ тѣмъ болѣе замѣчательны, что они составляютъ страшный контрастъ съ полнымъ почти забвеніемъ о припадкѣ по прошествіи его. Недостатокъ памяти составляетъ почти постоянный признакъ припадковъ эпилептической маніи.

Припадки эти продолжаются нѣсколько дней, слѣдовательно меньшій промежутокъ времени, чѣмъ при другихъ формахъ маніи. Наконецъ эпилептическая манія оканчивается такъ-же внезапно, какъ и наступаетъ. Черезъ нѣсколько часовъ, иногда еще и

¹ Смотри то же: Ковалевскій, Къ ученію объ эпилепсін. Моск. мед. газета 1875 г.

² Съ этимъ мнѣніемъ не соглашается профес. Фрезе. Я присоединяюсь къ мнѣнію проф. Фрезе.

черезъ меньшій промежутокъ времени, пациенты возвращаются въ нормальное состояніе. Рѣдко-когда они остаются, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ теченіи короткаго времени въ легкомъ отупѣніи или въ физическомъ и моральномъ оцѣпенѣніи прежде, чѣмъ придуть совершенно въ разсудокъ. Они приходятъ въ себя послѣ припадковъ подобно человѣку, пробуждающемуся послѣ тяжелаго сна или кошмара, — у нихъ не остается почти воспоминанія о томъ, что съ ними происходило во время припадка».

Не смотря на такую прекрасную, можно сказать, классическую характеристику эпилептического помѣшательства со стороны Falrèt, мы однако должны сказать, что не всѣ случаи эпилептического помѣшательства могутъ входить въ этотъ шаблонъ.

Мы должны упомянуть, что нами указаны не всѣ комбинаціи психической эпилепсіи съ эпилепсіею соматическою.

Картина психической эпилепсіи настолько рельефна, настолько рѣзко отличается отъ другихъ формъ помѣшательства, что по однимъ ея симптомамъ, безъ присутствія припадковъ соматической эпилепсіи въ томъ или другомъ видѣ ея, можно было бы сказать, что въ данномъ случаѣ мы имѣли приступъ психической эпилепсіи или нѣтъ.

Это чрезвычайно важно, во 1-хъ, потому, что бываютъ случаи, когда свидѣтелей нѣтъ въ моментъ припадка эпилептическихъ судорогъ, и они являются только лишь въ моментъ психической эпилепсіи, не рѣдко въ моментъ страшнаго преступленія *подъ* вліяніемъ приступа психической эпилепсіи; во 2-хъ, потому, что свидѣтелей можетъ вовсе не быть и о болѣзни приходится судить по характеру преступленія; въ 3-хъ, потому, что припадки соматической эпилепсіи могутъ быть ночью, или отдалены отъ приступа психической эпилепсіи значительнымъ періодомъ времени и, слѣдовательно, затеряться для наблюдателя, наконецъ, въ 4-хъ, *припадковъ соматической эпилепсіи можетъ не быть и вовсе, между-тѣмъ приступъ помѣша-*

тельства по всемъ деталямъ своимъ можетъ совершенно изображать психическую эпилепсію. Въ этомъ случаѣ приступъ психической эпилепсіи или эпилептического помѣшательства замѣняетъ собою припадокъ эпилептическихъ судорогъ и является какъ-бы замѣнъ его. Хотя эпилептическихъ судорогъ, или эпилептического головокруженія и не бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, тѣмъ не менѣе детали приступа помѣшательства на столько повторяютъ собою всѣ явленія психической эпилепсіи, что съ полнымъ правомъ могутъ быть отнесены къ этой категоріи. Samt¹ по этому поводу говоритъ слѣдующее: «Всякое помѣшательство, не имѣющее специфическихъ свойствъ эпилептического помѣшательства, хотя-бы данный субъектъ имѣлъ эпилептическій приступъ, также ложно считать эпилептическимъ помѣшательствомъ, какъ ложно не называть эпилептическимъ помѣшательствомъ тѣ приступы его, которые имѣютъ специфическія свойства эпилептического помѣшательства, хотя-бы данный индивидъ и не обнаруживалъ эпилептическихъ припадковъ. Всякій индивидъ имѣетъ право на названіе эпилептика, если онъ въ теченіе жизни всегда обнаруживалъ только классическіе приступы судорогъ и безсознательнаго состоянія, безъ того, чтобы быть когда-либо помѣшаннымъ; какъ и тотъ — настоящій эпилептикъ, у кого обнаружилось эпилептическое помѣшательство безъ всякихъ приступовъ судорогъ или безсознательнаго состоянія въ теченіи предыдущей жизни».

Samt полагаетъ, значить, что судороги могутъ являться безъ помѣшательства, и извѣстное, специфическое помѣшательство можетъ являться безъ судорогъ, при-чемъ и то и другое принадлежатъ къ категоріи эпилептическихъ страданій. Это — двѣ величины, которыя могутъ быть поставлены одна вмѣсто другой, это — два эквивалента другъ другу. Samt такъ и называетъ

¹ Samt, l. c.

эпилептическое помѣшательство *психо-эпилептическимъ эквивалентомъ*, какъ-бы это было два однородныхъ элемента.

Samt дѣлитъ психо-эпилептическій эквивалентъ, или психическую эпилепсію, на двѣ категоріи: острый и протрагирующий или хроническій, затяжной.

Что касается остраго психо-эпилептического эквивалента, то, по своей характеристикѣ, онъ ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ формъ помѣшательства, которыя изображены Falret и др. въ видѣ *épilepsie Grand-mal* и *Petit-mal intellectuel*.

Нѣсколько иной видъ имѣетъ протрагирующий психоэпилептическій эквивалентъ Samt'a. Главная характеристика этого вида психической эпилепсіи это—хроническое теченіе ея; такъ, напр., въ 34-мъ случаѣ Samt наблюдалъ теченіе подобной болѣзни около шести мѣсяцевъ.

Въ общей картинѣ эпилептического помѣшательства остается добавить еще то обстоятельство, что почти во всѣхъ случаяхъ заболѣванія эпилепсією можно отыскать какую-либо психопатическую, или невропатическую наслѣдственность. У родителей и родственниковъ эпилептиковъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ можно бываетъ констатировать или психозъ, или эпилепсію, или другой неврозъ или пьянство. Особенно замѣчательно часто совпаденіе появленія эпилепсіи и эпилептического помѣшательства съ пьянствомъ родителей. Это обстоятельство было извѣстно и прежде, — о немъ говорятъ Lunier, Bergeron, Magnan, Morel и др. Въ послѣднее время этому-же вопросу посвящена статья Martin'a¹, изъ которой явствуетъ, что эпилепсія у дѣтей отъ пьяницъ-родителей—самое обыкновенное явленіе. Въ теченіе моихъ занятій въ психіатрическомъ отдѣленіи харьковской земской больницы я слѣдилъ съ особеннымъ вниманіемъ за этиологією эпилепсіи и эпилептического помѣшательства, и на основаніи до-

¹ Martin, De l'alcoholisme des parentes. *Annal. médico-psychol.* 1877. № 1.

вольно обширнаго матеріала приходится сказать, что почти у 60% эпилептиковъ и страдающихъ эпилептическимъ помѣшательствомъ родители были пьяницы.

Нѣсколько меньшею, но тоже частою причиною эпилепсіи и эпилептического помѣшательства служить также пьянство самихъ эпилептиковъ.

Теперь мы позволимъ себѣ остановиться на нашемъ случаѣ и рассмотримъ его въ примѣненіи къ вышеизложенному.

К.—уже пожилой человѣкъ. Отецъ его пилъ водку, самъ К. тоже пилъ водку. Другихъ какихъ-либо психо- или невропатическихъ antecedentовъ не замѣчается. Въ 50-хъ годахъ, во время крымской кампаніи К. заболѣваетъ какимъ-то острымъ психозомъ. Внезапно этотъ психозъ пришелъ и внезапно же прошелъ. Чтѣ съ К. было въ то время—онъ рѣшительно не помнитъ. Та-же исторія въ Воронежѣ; та-же исторія и въ Москвѣ. Въ Москвѣ К. свидѣтельствуютъ въ военно-окружномъ судѣ и признають страдающимъ острымъ помѣшательствомъ. Жена К. показываетъ, что К. уже въ теченіи почти десяти лѣтъ каждую весну нѣкоторое время сумасшествуетъ, убѣгая въ это время изъ дому и оставляя на-произволъ всѣхъ и все. Antecedentъ для эпилептического помѣшательства не дуренъ. Въ какомъ состояніи К. въ настоящее время? Память его ослаблена, самыя важныя обстоятельства въ жизни онъ позабылъ. Замѣчается также какой-то дефектъ въ области представленій; самыя представленія часто неясны, неточны и сбивчивы. Не мало также пострадалъ и нравственный элементъ. К. является крайне равнодушнымъ какъ сынъ, мужъ, семьянинъ и гражданинъ: наѣсться, напиться, выпить и ничего недѣлать,—и довольно. Ко всему окружающему онъ совершенно индифферентенъ; нравственно онъ отупѣлъ и опошлѣлъ. Раздражается онъ только тогда, когда терпѣть какія-либо личныя лишенія. Приведу одинъ случай изъ

госпитальной жизни К. Онъ въ нашемъ отдѣленіи пользовался всѣми удобствами: относительною свободою, пріятнымъ для него ничегонедѣланіемъ, порядочною пищею и пр. Вмѣстѣ съ нимъ былъ одинъ чиновникъ съ *delirium tremens potatorum*. По выздоровленіи, чиновникъ посылалъ К. и тайкомъ принесъ ему бутылку водки. Въ теченіи не болѣе трехъ минутъ К. опустошилъ бутылку. Лишенный за то лучшей порціи, К. раскричался на меня и общалъ жаловаться прокурору и начальнику губерніи за насиліе, признавая себя совершенно правымъ.

Вообще умственное и нравственное состояніе К., вмѣ приступа помѣшательства, стоитъ на рубежѣ слабоумія и легальнаго полумѣшья.

Спрашивается, что же это за болѣзнь такая, которая доводитъ К. до состоянія слабоумія?

Болѣзнь эта внезапно приходитъ и внезапно проходитъ. О томъ, что бываетъ съ нимъ въ это время и существовала ли самая болѣзнь и это время, — К. рѣшительно ничего не помнитъ. Во время болѣзни К. стремится уйти или уѣхать изъ дому. Въ это время онъ до крайности раздражителенъ, дерзокъ, нахаленъ и боекъ. Припомнимъ, для доказательства, обстоятельства дѣла на станціяхъ Молоди и Ковеги. Буйство его можетъ достигать крайнихъ предѣловъ: зонтикъ, кулакъ, камень, все это — орудіе его буйства. Дайте ему ножъ или револьверъ, и онъ нисколько не затруднился бы употребить ихъ въ дѣло.

Скажите, онъ имѣетъ какой-нибудь планъ дѣйствія? Ничуть не бывало. Онъ рѣшительно не даетъ себѣ никакого отчета въ своихъ дѣйствіяхъ; онъ дѣйствуетъ, какъ совершенно правильно выразился проф. Фрезе, *рефлекторно*, или Маудсли — *импульсивно*. Гдѣ онъ и что съ нимъ, — онъ не знаетъ.

К. обнаруживаетъ ложь и при-томъ ложь самую грубую, самую безхитростную и необдуманную. Въ Валкахъ онъ выдаетъ себя за агента шефа жандармовъ и называется сначала Чижев-

скимъ, за-тѣмъ чрезъ нѣсколько минутъ Петерсономъ, а еще спустя нѣсколько часовъ—Козачковымъ. Какая у него была цѣль при подобномъ дикомъ и совершенно дѣтскомъ фарсѣ? Была ли у него хоть капля сообразительности? Едва-ли онъ думалъ о томъ, что онъ говорилъ, а еще менѣе о томъ, что онъ дѣлалъ.

Въ Ковегахъ К. жалуется, что вмѣстѣ съ нимъ ѣхали подозрительные люди; а самъ безъ стѣсненія здѣсь-же крадетъ сюртукъ, рубаху и калоши.

К. считаетъ себя какъ-бы въ-правѣ наносить оскорбленія словами и дѣйствіемъ лицамъ, служащимъ при исполненіи послѣдними своихъ обязанностей. Но еще лучше то, что онъ наноситъ оскорбленіе такому-же лицу, когда послѣднее не только не трогало его, но даже не знало и не видѣло его. К.—въ тюремномъ замкѣ. Вблизи воинскій начальникъ учитъ солдатъ, нисколько не подозрѣвая о существованіи К. Вдругъ: «рыжая собака!», «я тебѣ кишки выпущу!» и пр. и пр. За что и къ чему?

К. дѣлаетъ покушеніе на поджогъ въ полиціи и обнаруживаетъ намѣреніе поджечь больницу; но дѣлаетъ все это такъ неумѣло и такъ безхитростно, что сразу поражаетъ отсутствіемъ всякой сообразительности.

Изъ всѣхъ его проступковъ и преступленій въ одномъ только видится какъ-бы строго обдуманнѣйшій планъ, это—въ стремленіи сорвать деньги съ кого-то за пропавшія на желѣзной дорогѣ вещи. Сначала онъ составляетъ списокъ своимъ вещамъ самъ и заявляетъ объ этомъ судебному слѣдователю. За-тѣмъ требуетъ копію со списка вещей, которыя оказались по осмотру. За-тѣмъ предъявляетъ искъ о пропажѣ многихъ вещей и денегъ. Въ это же время тайкомъ посылаетъ своей женѣ подложный списокъ вещей и научаеъ ее, какъ нужно лгать судебному слѣдователю. Но все это дѣлается до такой степени нехитро и прозрачно, что судебная власть не сочла даже нужнымъ предъявлять противъ него обвиненіе по этому пункту.

Сравнивая картину настоящей болѣзни его съ тѣмъ, что указываетъ отчасти жена К. о прежнихъ его припадкахъ, оказывается, что настоящая болѣзнь его служить почти повтореніемъ предыдущихъ приступовъ, съ тою только разницею, что предыдущіе приступы были нѣсколько короче, отъ одного до двухъ мѣсяцевъ, а настоящій—около трехъ мѣсяцевъ.

Еще одно обстоятельство обращаетъ на себя вниманіе: болѣзнь К., являясь почти ежегодно, каждый разъ обнаруживалась именно весною, такъ-что съ положительною можно сказать, что болѣзненные симптомы К. находятся въ прямой связи съ временемъ года.

Обращаясь къ двумъ сообщеннымъ случаямъ, моему и случаю д-ра Андрузскаго, я съ положительною утверждаю, что оба они по своимъ проявленіямъ относятся къ категоріи психической эпилепсіи, при-чемъ случай д-ра Андрузскаго представляетъ форму *острой психической эпилепсіи*, а К. представляетъ случай *протрагировавшаго психо-эпилептического эквивалента* или *хронической психической эпилепсіи*. Разница между этими двумя случаями состоитъ еще въ томъ, что въ промежуткахъ между припадками инкульпаты д-ра Андрузскаго обнаруживалъ еще относительно нормальное состояніе умственныхъ способностей, тогда-какъ К. и въ свободное отъ приступовъ болѣзни время представлялъ ослабленіе умственныхъ способностей, служащее переходомъ къ слабоумію.

Въ судебно-психіатрическомъ отношеніи оба эти случая подходятъ къ одной категоріи: оба инкульпаты въ моментъ совершенія преступленія находились въ болѣзненномъ состояніи, дошедшемъ до умоизступленія и безпамятства, — въ моментъ же дачи заключенія находились въ нормальномъ состояніи, и потому оба подводятся подъ 96 ст. улож. о наказаніяхъ.

Протоколъ засѣданія 18 апрѣля.

Присутствовали, подъ предѣтельствомъ проф. И. К. Зарубина, члены секціи — Беллинъ, Калмыковъ, Киселевъ, Ковалевскій, Пономаревъ, Подрезъ, Севастьяновичъ, Тихоновичъ, Томашевскій, Чугинъ, Шилтовъ, Ясинскій и нѣкоторые студенты IV и V курсовъ медицинскаго факультета.

Сообщеніе д-ра *Калмыкова* — «Случай колоссальной аневризмы безымянной артеріи». При этомъ д-ръ Калмыковъ изложилъ историческій ходъ развитія болѣзни даннаго случая и тщательное описаніе опухоли въ тотъ моментъ ея, когда больной поступилъ въ хирургическое отдѣленіе госпитальной клиники проф. Зарубина. По окончаніи сообщенія, д-ръ Калмыковъ демонстрировалъ фотографическій снимокъ субъекта, имѣвшаго опухоль, и за-тѣмъ препаратъ самой опухоли.

Проф. И. К. *Зарубинъ*, по поводу сообщенія д-ра Калмыкова, сдѣлалъ слѣдующее діагностическое замѣчаніе. Больной поступилъ въ хирургическое отдѣленіе госпитальной клиники съ опухолью, достигшею уже громадной величины. Опухоль эта имѣла чрезвычайный хирургическій интересъ. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на то, что въ анамнестическихъ данныхъ прежнихъ врачей, лѣчившихъ больного, почти всюду говорилось объ этой опухоли, какъ объ аневризмѣ безымянной артеріи, — именно эту-то аневризму безымянной артеріи казалось менѣ всего можно было допустить. Опухоль была величиною съ голову взрослого чело-

вѣка: самая величина опухоли и быстрое развитіе ея до такихъ размѣровъ (въ теченіи шести мѣсяцевъ) были противъ того, чтобы допустить правильность предыдущаго анамнеза. Опухоль не прыгала, какъ выражался о прежнемъ ея состояніи самъ больной, и не пульсировала, какъ это говорилось въ анамнезѣ прежнихъ медиковъ. Аневризматическій шумъ замѣтенъ былъ только при тщательномъ и аккуратномъ выслушиваніи и то — не всегда и въ одномъ только мѣстѣ. Самая опухоль была довольно правильной полусферической формы и достаточно плотной равномерной консистенціи. Подъ кожей тянулись большіе венозные стволы, которые настолько глубоко сидѣли въ опухоли, что какъ будто продѣлали для себя желобки въ ней. Принимая во вниманіе возрастъ больного, которому было 56 лѣтъ, сильныя боли, испытываемыя больнымъ, консистенцію и поверхность опухоли, чрезвычайно быстрый ростъ ея и, наконецъ, отрицательные результаты выслушиванія и ощупыванія, — скорѣе всего можно было прійти къ заключенію, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собой злокачественную опухоль, и именно — медуллярную карциному, тѣмъ болѣе, что такой неопредѣленный шумъ, какой наблюдался въ данномъ случаѣ, бываетъ иногда и при карциноматозныхъ опухолях¹. Но и этого діагноза допустить невозможно было, потому что при быстромъ ростѣ и такомъ большомъ объемѣ опухоли кожа представлялась вовсе не приросшею къ опухоли; при злокачественной опухоли весьма естественно было ожидать, чтобы хотя ближайшія лимфатическія железы были поражены, между-тѣмъ онѣ вовсе не были затронуты; наконецъ, при такой грандіозной злокачественной опухоли обязательно слѣдовало ожидать кахектической видъ больного, но и этого

¹ Еще болѣе наводило на мысль о злокачественной опухоли то, что, на передней поверхности ея, въ одномъ мѣстѣ опухоль начала размягчаться и флюктуировать, а за-тѣмъ флюктуирующая часть прорвалась и оттуда вышло небольшое количество сливообразной сукровичной жидкости.

не было. На основаніи всего сказаннаго приходилось отказаться от постановки діагноза злокачественной опухоли и возвратиться опять къ аневризмѣ.

Но если согласиться съ діагнозомъ, что это — аневризма, то надо было опредѣлять — какой артеріи и въ какомъ мѣстѣ? Принимая во вниманіе положеніе опухоли, которая шла изъ-подъ ключицы, разъединеніе ключицы, отклоненіе одного изъ концовъ ея назадъ, можно было скорѣе всего прійти къ заключенію, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ аневризмою подключичной артеріи. Думать объ аневризмѣ безымянной артеріи едва-ли было основаніе, такъ-какъ въ послѣднемъ случаѣ слѣдовало бы ожидать истощенія и узуръ грудной кости и реберъ, при-чемъ такая колоссальная опухоль должна была бы пройти сквозь узурированную грудную кость и ребра, какъ въ окно. Между-тѣмъ она, выступая изъ-подъ ключицы, надвигалась на ребра и грудную кость. Такимъ образомъ, при самомъ тщательномъ анализѣ всѣхъ возможныхъ случайностей, приходилось остановиться на аневризмѣ подключичной артеріи. — Секція обнаружила аневризму безымянной артеріи, но въ этой артеріи расширеніе имѣло только исходный пунктъ, а за-тѣмъ въ дальнѣйшемъ теченіи оно распространилось главнымъ образомъ и на подключичную артерію. — Терапія въ этомъ случаѣ, въ виду неопредѣленности діагноза, была выжидательная. Прежде всего являлся вопросъ о перевязкѣ артеріи. Но дѣло въ томъ, что перевязка центральнаго конца артеріи, по недоступности его, была невозможна, перевязка же периферическаго — бесполезна. Можно было прибѣгнуть ко впрыскиванію *Ferri sesquichlorati*, но такъ-какъ діагнозъ установленъ болѣе вѣроятный, чѣмъ положительный, то и можно было опасаться, на случай, если имѣемъ дѣло съ злокачественною опухолью, чтобы не ускорить летальнаго исхода. Пришлось остановиться на холодѣ, какъ на такомъ средствѣ, которое могло оказать больному наибольшую палліативную помощь; и на са-

жомъ дѣлѣ, при употребленіи пузыря со льдомъ, боли въ опухоли прекратились и дальнѣйшее развитіе ея остановилось. Предполагая въ этой колоссальной опухоли аневризму, надо было бояться ежеминутно разрыва ея и страшнаго кровотеченія. Ничего подобнаго однако не случилось, и больной умеръ отъ септикеміи. —

Д-ръ *Томашевскій* представилъ «Замѣтки о санитарныхъ условіяхъ города Харькова»: а) Статистическія свѣдѣнія, какъ результатъ однодневной переписи ночлежниковъ; б) санитарные осмотры харьковскихъ полицейскихъ арестантскихъ помѣщеній; в) санитарный осмотръ дома арестуемыхъ по приговору мировыхъ судей. — Что касается пріютовъ ночлежниковъ, то санитарныя условія ихъ стоятъ ниже всякаго требованія; помѣщенія эти лишены свѣта, лишены тепла и лишены воздуха, — за-то въ нихъ царитъ сырость и грязь. При вычисленіи количества воздуха на каждаго человѣка, принимая во вниманіе отсутствіе всякой вентилляціи, оказывается, можно поражаться, какъ люди могутъ тамъ помѣщаться незадохнувшись. Д-ръ *Томашевскій* совѣтуетъ, какъ радикальное средство, закрыть настоящіе ночлежныя пріюты и открыть общественный пріютъ, устроенный на рациональныхъ санитарныхъ основаніяхъ. — Санитарныя условія харьковскихъ полицейскихъ арестантскихъ помѣщеній, хотя стоятъ и выше противъ ночлежныхъ пріютовъ, однако настоятельно требуютъ улучшенія состоянія, особенно по отношенію къ свѣту и вентилляціи. Что касается дома арестуемыхъ по приговору мировыхъ судей, то подвальный его этажъ отличается необыкновенною сыростію. Въ немъ, подъ асфальтовымъ поломъ, непосредственно находится вода. Вода эта, всасывается стѣнами, затѣмъ выходитъ въ комнаты и изливается на тотъ-же асфальтовый полъ. Д-ръ *Томашевскій* рекомендуетъ земству продать это помѣщеніе и купить другое.

По поводу этого сообщенія возникли оживленнѣйшіе дебаты, въ которыхъ приняли участіе — проф. Зарубинъ, Ковалевскій, Подрезъ, Ясинскій и Калмыковъ.

Въ заключеніе, члены секціи, присутствовавшіе въ засѣданіи, выразили искреннее желаніе о скорѣйшемъ измѣненіи этихъ санитарныхъ условій къ лучшему, такъ-какъ на нихъ въ большинствѣ жидутся эпидеміи, столь опасныя для общества. —

Д-ръ Ковалевскій демонстрировалъ сфигмофонъ.

Г-нъ Калмыковъ заявилъ желаніе быть членомъ секціи на основаніи § 2 устава. Постановлено: Внести въ списокъ дѣйствительныхъ членовъ.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

З А М Ъ Т К И

[о санитарныхъ условіяхъ г. Харькова.

М. Томашевскаго.

І. Результаты однодневной переписи обитателей ночлежныхъ пріютовъ г. Харькова, произведенной 7-го февраля 1879 года.

Въ прошлую зиму въ числѣ многихъ другихъ противучумныхъ жѣръ общественное управленіе г. Харькова проектировало улучшение жилищъ бѣднѣйшаго, нищаго класса жителей. Для достиженія цѣли предположено было: 1) исходатайствовать у начальника губерніи распоряженіе, по которому домовладѣльцы, содержащіе ночлежные пріюты, были бы обязаны пускать въ свои помѣщенія только такое количество жильцовъ, которое будетъ назначено согласно правиламъ санитарной науки, и 2) для всѣхъ тѣхъ жильцовъ, которые могутъ остаться на основаніи такого распоряженія безъ пріюта, нанять на счетъ города квартиры на окраинѣ. Начальникъ губерніи согласился съ представленіемъ общественаго управленія по этому предмету, но до изданія распоряженія предписалъ полиціи — при участіи санитарнаго врача сдѣлать росписаніе: сколько и въ какомъ пріютѣ можетъ помѣщаться людей. Къ этому занятію должна была присоединиться

другая задача: опредѣлить — сколько изъ обитателей ночлежныхъ пріютовъ будетъ нуждаться въ квартирѣ отъ города. Такъ-какъ измѣренія помѣщеній пріютовъ были уже произведены въ 1878 году, то оставалось опредѣлить наличное число живущихъ въ нихъ. Для достиженія этой цѣли необходимо было произвести однодневную или, лучше сказать, одноночную перепись ночлежниковъ. Днемъ ночлежники уходятъ большею частію на промыслы, а потому перепись ихъ должна была производиться ночью, и притомъ — разомъ во всѣхъ пріютахъ; такъ-какъ медленное веденіе дѣла уменьшило бы цифру на томъ основаніи, что ночлежники уклонились бы въ значительномъ числѣ отъ переписи, которая имъ во всякомъ случаѣ непріятна. Послѣ предварительныхъ соглашеній съ участковыми приставами, назначено было 7-е февраля для одноночной переписи, которая и произведена была полицейскими чиновниками по программѣ, мною составленной. Къ сожалѣнію, пока шли переговоры, потеплѣло и сдѣлался неожиданный разливъ рѣкъ, и въ ночь переписи ночлежный пріютъ въ борзомъ переулкѣ былъ залитъ водою. Переписано только 18-ть пріютовъ, между которыми находятся неизслѣдованные въ 1878 году, но за-то нѣсколько пріютовъ, изслѣдованныхъ въ 1878 году, не вошло въ перепись. Пока списки ночлежниковъ медленно поступали въ санитарный совѣтъ, необходимость мѣропріятій по поводу чумы миновала, и собранный съ большимъ затрудненіемъ матеріалъ оказался ненужнымъ для прежняго своего назначенія; тѣмъ не менѣе матеріалъ этотъ, составленный въ-слѣдствіе необходимости по весьма узкой программѣ, представляется весьма цѣннымъ въ томъ отношеніи, что изъ него можно извлечь въ цифрахъ нѣкоторыя свѣдѣнія вполнѣ вѣроятныя о дѣйствительномъ состояніи обитателей ночлеговъ, ихъ полѣ, возрастѣ, занятіяхъ и ремеслахъ, а также о нѣкоторыхъ ихъ качествахъ, какъ напр. о количествѣ между ними пьяницъ и другихъ. Подобныя данныя имѣютъ важное значеніе для изу-

ченія того класса городского населенія, который, подобно боль-
нымъ и дѣтямъ, долженъ быть предметомъ попеченія общества
какъ съ гуманною, такъ и съ санитарною цѣлю. По этому раз-
работанный матеріалъ предлагается вниманію ученаго общества
въ двухъ таблицахъ, изъ коихъ первая содержитъ цифры оби-
тателей ночлеговъ, раздѣленные по полу и возрасту, а вторая —
по занятіямъ и другимъ условіямъ ихъ жизни.

**А. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОБИТАТЕЛЕЙ НОЧЛЕЖНЫХЪ ПРИЮТОВЪ
ПО ПОЛУ И ВОЗРАСТУ.**

№		НОЧЛЕЖНЫЕ ПРИЮТЫ.	Количество ночлежниковъ по полу и возрасту.										При нихъ дѣтей неиз- вѣстн. пола и возраста.			
			Отъ 3 до 15 лѣтъ.		Отъ 15 до 25 лѣтъ.		Отъ 25 до 40 лѣтъ.		Свыше 40 лѣтъ.		Неизвѣ- стныхъ лѣтъ.			Всего.		
			М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.				
		II-й полиц. участокъ:														
1	Въ домѣ Артамонова на Воскресенск. площ.	"	"	8	"	9	2	9	3	"	"	26	5	"		
2	Въ домѣ Силаковой на Воскресенской улицѣ.	"	"	2	"	12	"	12	"	"	"	26	"	"		
3	Въ домѣ Нечипоренка на Нетечинской улицѣ.	2	1	4	3	13	7	17	"	"	"	36	11	1		
4	Въ домѣ Федоровск. на Нетечинской улицѣ.	1	"	3	1	6	6	15	1	"	"	25	8	"		
		IV-й полиц. участокъ:														
5	Въ домѣ Осмаковой на Рыбномъ базарѣ. . .	"	"	1	"	10	"	12	"	"	"	23	"	"		
6	Въ домѣ Дьячковой на Рыбно-Базарной улиц.	"	"	"	"	3	"	10	"	"	"	13	"	"		
7	Въ Сумскомъ подвор- на Клочковской улицѣ.	"	"	1	"	4	"	3	"	"	"	8	"	"		
8	Въ Скрышниц. подвор- на Клочковской улицѣ.	"	"	2	1	17	1	7	6	"	"	26	8	"		
9	Въ домѣ Терещенка на Клочковской улицѣ.	"	"	"	"	2	"	3	"	"	"	5	"	"		
10	Въ Киевскомъ подвор- на Клочковской улицѣ.	"	"	10	4	17	4	4	3	1	"	32	11	"		
11	Въ домѣ Соколова на Клочковской улицѣ. .	"	"	2	"	"	"	1	"	"	"	3	"	"		
12	Въ Монастыр. подвор- на Клочковской улицѣ.	"	"	7	2	20	4	16	2	"	"	43	8	"		
13	Въ домѣ Гудимовой въ Мордвинов. переулкѣ .	1	1	9	5	9	12	13	8	1	"	33	26	3		
		VI-й полиц. участокъ:														
14	Въ гостинницѣ «Цар- ское село».	"	"	"	"	8	2	1	"	"	"	9	2	"		
15	Въ гост. Александров.	"	"	1	"	5	"	"	"	"	"	6	"	"		
16	Въ домѣ Грозберга, бывш. Бабаниной . .	"	"	1	"	2	"	"	"	"	"	3	"	"		
		V-й полиц. участокъ:														
17	Въ домѣ Дубченка на Ново-Москалев. улицѣ.	"	2	"	2	7	5	3	3	"	1	10	13	2		
18	Въ домѣ Ретинскаго на Мало-Панасовск. пер. .	1	2	2	5	29	29	43	13	"	"	75	49	"		
Итого			5	6	53	23	173	72	169	39	2	1	402	141	6	

Б. РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ОБИТАТЕЛЕЙ НОЧЛЕЖНЫХЪ ПРИЮТОВЪ

№	НОЧЛЕЖНЫЕ ПРИЮТЫ.	Мастеровые, промы- шленные и реме- сленники.		Поденщики и черно- работные.		Проститутки.	Нащенствующие.		Чиновники разнаго рода.		Солдаты разнаго ро- да безъ ремесла.	
		М.	Ж.	М.	Ж.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
	II-й полиц. участокъ:											
1	Въ домѣ Артамонова.	2	"	18	5	"	1	"	"	"	1	"
2	Въ домѣ Силаковой .	3	"	18	"	"	2	"	"	"	"	"
3	Въ домѣ Нечипоренка.	4	"	"	6	2	2	"	"	"	1	3
4	Въ домѣ Федоревск.	2	"	19	6	"	1	"	"	"	"	"
	VI-й полиц. участокъ:											
5	Въ домѣ Осьмаковой.	"	"	8	"	"	5	1	"	"	6	"
6	Въ домѣ Дьячковой .	"	"	5	"	"	1	"	1	"	5	"
7	Въ Сумскомъ подвор.	"	"	2	"	"	"	"	"	"	"	"
8	Въ Скрыпницкомъ по-											
	дворѣ	"	"	9	"	3	2	4	4	"	4	"
9	Въ домѣ Терещенка.	"	"	4	1	"	"	"	"	"	"	"
10	Въ Киевскомъ подвор.	10	"	19	11	"	"	"	"	"	"	"
11	Въ домѣ Соколова .	"	"	3	"	"	"	"	"	"	"	"
12	Въ Монастырскомъ											
	подворѣ	14	"	17	7	"	"	"	1	"	3	"
13	Въ домѣ Гудимовой .	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"
	VI-й полиц. участокъ:											
14	Въ гостинницѣ «Цар-											
	ское село»	"	"	2	"	"	"	"	1	"	"	"
15	Въ гостинницѣ Алек-											
	сандровской	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"
16	Въ домѣ Грозберга .	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"
	V-й полиц. участокъ:											
17	Въ домѣ Дубченка .	4	3	4	6	"	"	"	"	"	1	"
18	Въ домѣ Ретинскаго.	11	1	38	31	"	14	5	3	"	1	1
	Итого	50	4	166	73	5	28	10	10	"	22	4

ПО ЗАНЯТІЯМЪ И ДРУГИМЪ УСЛОВІЯМЪ ИХЪ ЖИЗНИ.

Ищущіе мѣста.		Занимающіеся пись- моводствомъ.		Занимающіеся тор- говымъ.		Празднова- ющіеся.		Неизвѣстныхъ за- нятій.		И з ъ н и х ъ :							
										Пьянствъ.		Состоящихъ подъ судомъ.		Подъ надзоромъ полиціи.		На попеченіи благодѣльн.	
М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
»	»	3	»	1	»	»	»	»	»	13	2	»	»	»	»	»	»
1	»	1	»	»	»	1	»	»	»	12	»	»	»	1	»	»	»
»	»	»	»	1	»	2	»	26	»	15	1	2	»	»	»	»	»
»	»	1	»	»	»	2	»	»	»	5	»	1	»	»	»	»	»
2	»	»	»	1	»	»	»	»	»	8	»	»	»	»	»	»	»
1	»	»	»	»	»	»	»	»	»	5	»	»	»	»	»	»	»
5	»	»	»	»	»	»	»	1	»	»	»	»	»	»	»	»	»
4	1	»	»	2	»	»	»	1	»	9	»	»	»	»	»	»	»
»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»
»	»	1	»	»	»	»	»	2	»	»	»	»	»	»	»	»	»
»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»
»	»	6	»	»	»	2	1	»	»	7	1	»	»	»	»	»	»
»	»	»	»	»	»	21	21	12	5	2	21	6	»	»	»	»	»
3	»	»	»	1	»	2	2	»	»	4	1	»	»	»	»	»	»
3	»	»	»	»	»	3	»	»	»	2	»	»	»	»	»	»	»
3	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»
»	»	»	»	»	»	»	»	1	4	5	1	»	»	1	»	»	»
»	»	»	»	»	»	»	»	8	11	28	33	»	»	2	»	»	»
22	1	12	»	6	»	33	24	53	20	134	60	9	»	4	»	»	1

Общее число ночлежниковъ, вошедшихъ въ перепись, = 543, изъ коихъ 402 мужчины и 141 женщина, кромѣ того — 6 грудныхъ дѣтей. Изъ полученныхъ цифръ можно вывести слѣдующія заключенія:

1. Въ числѣ обитателей ночлежныхъ пріютовъ на 100 мужчинъ приходится 35 женщинъ.

2. На 100 жильцовъ приходится 2% лицъ до 15-лѣтняго возраста, 14% отъ 15-ти до 25 лѣтъ, 45% отъ 25 до 40 лѣтъ и 38,5% свыше 40 лѣтъ. Одинъ грудной ребенокъ приходится на 23 женщины.

3. На 100 жильцовъ приходится около 10% мастеровъ, ремесленниковъ и разнаго рода промышленнаго люда. Общее число (54) мастеровыхъ, ремесленныхъ и промышленныхъ людей распределяется слѣдующимъ образомъ: столяръ 1 м., плотниковъ 3, бондарей 3, каменщикъ 1, кузнецовъ 2, кровельщиковъ 2, слесарей 4, маляровъ 3, литографъ 1, землекоповъ 2, овчинникъ 1, парикмахеровъ 2, портныхъ 5 мужчинъ и 3 женщины, сапожниковъ 6, барышниковъ 2, лакей 1, трактирщикъ 1, официантовъ 2, погребщиковъ 2, служитель 1, тряпичниковъ 5 мужчинъ и 1 женщина. Всего 54. — По пріютамъ число мастеровыхъ и проч. распределяется слѣдующимъ образомъ: 1) въ домѣ Артамонова изъ 2-хъ мастеровыхъ — 1 плотникъ и 1 каменщикъ; 2) въ домѣ Силаковой изъ 3-хъ мастеровыхъ — 1 плотникъ, 1 сапожникъ и 1 кузнецъ; 3) въ домѣ Нечипоренка — изъ 4-хъ ремесленниковъ — 1 парикмахеръ, 1 портной, 1 сапожникъ и 1 кузнецъ; 4) въ домѣ Федоровскаго изъ 2-хъ ремесленниковъ и мастеровыхъ — 1 слесарь и 1 плотникъ; 5) въ кіевскомъ подворьи изъ 10-ти мастеровыхъ и ремесленниковъ — 1 столяръ, 1 барышникъ, 1 парикмахеръ, 1 лакей, 2 землекопа, 1 литографъ, 1 трактирщикъ и 2 официанта; 6) въ монастырскомъ подворьи изъ 14-ти — 1 барышникъ, 1 маляръ,

1 овчинникъ, 1 сапожникъ, 4 портныхъ, 2 слесаря, 2 кровельщика, 2 погребщика; 7) въ домѣ Дубченка изъ 4-хъ ремесленниковъ—1 слесарь, 1 слуга на желѣзной дорогѣ, 2 сапожника и 3 женщины-портнихи; 8) въ домѣ Ретинскаго изъ 12-ти мастеровыхъ—3 бондаря, 2 сапожника, 1 маляръ; кромѣ того 3 мужчины и 1 женщина занимаются сборомъ тряпья и костей.

4. На 100 жильцовъ приходится 35,7 пьяницъ и притомъ на 10-ть пьяницъ-мужчинъ—4,4 пьяницъ-женщинъ.

5. Изъ 27-ми жильцовъ 1 находится подъ судомъ или надзоромъ полиціи, и изъ 549 только 1 на попеченіи богадельни.

6. Другія свѣдѣнія относительно интересующаго насъ класса людей могутъ быть выражены въ слѣдующихъ цифрахъ: на 100 человѣкъ приходится: чернорабочихъ 44, нищихъ 7, чиновниковъ 2, разнаго рода людей 4, солдатъ и солдатокъ 4, писарей 2, торговцевъ 1, праздношатающихся около 10,5, неизвѣстныхъ занятій 13,4.

7. На 19 жен. отъ 15 до 40 лѣтъ приходится 1 проститутка.

Я считаю полученныя свѣдѣнія не вполне точными и нахожу нужнымъ сдѣлать двѣ оговорки: а) Прежде всего общее число должно считать малымъ, такъ-какъ не всѣ ночлежные пріюты были подвергнуты переписи, и кромѣ того, по всему вѣроятію, многіе ночлежники уклонились отъ переписи. Замѣчаніе это необходимо на случай разрѣшенія вопроса, какихъ размѣровъ долженъ быть проектированъ общественный домъ для ночлежнаго пріюта. б) Число проститутокъ несравненно должно быть больше показаннаго, такъ-какъ проститутки скрываютъ свое ремесло, а между-тѣмъ ночлежныя гнѣзда составляютъ ихъ притоны. Число низкаго разряда проститутокъ, подлежащихъ врачебно-полицейскому надзору въ Харьковѣ, считается 17, но въ сущности ихъ въ нѣсколько десятковъ разъ болѣе.

Результаты скученія, дурной пищи, одежды и дурной жизни обитателей ночлежныхъ пріютовъ ложатся тяжелымъ бременемъ

на общественное здоровье. Ночлежные пріюты служатъ гнѣздомъ тифозныхъ и венерическихъ болѣзней.

Санитарная мѣра, къ коей неминуемо рано или поздно должно прійти общество, это — устройство общественныхъ ночлежныхъ домовъ и кухонь. Какъ временную мѣру можно предложить образованіе комиссіи или общества для улучшенія бѣдныхъ и нездоровыхъ жилищъ. Главнѣйшая задача ея будетъ осушеніе этихъ жилищъ, улучшеніе ихъ вентиляціи и другихъ условій, и доставленіе пособій лицамъ, нуждающимся изъ числа обитателей ночлежныхъ пріютовъ.

II. Санитарный осмотръ арестантскихъ помѣщеній при полицейскихъ частяхъ города Харькова.

Такъ-какъ многіе изъ обитателей ночлежныхъ пріютовъ вслѣдствіе разнаго рода по большей части мелкихъ преступленій нерѣдко попадаютъ въ руки полиціи, то арестантскія при полицейскихъ частяхъ составляютъ какъ-бы продолженіе ночлежныхъ пріютовъ, послѣ изученія которыхъ естественно перейти къ изученію полицейскихъ арестантскихъ. Арестантскія при полицейскихъ частяхъ назначены для кратковременнаго ареста лицъ пьяныхъ или такихъ преступниковъ, которые только-что задержаны и подлежатъ дальнѣйшему заключенію въ острогъ или пересылкѣ въ другія мѣста. Иногда впрочемъ арестованные должны провести въ этихъ помѣщеніяхъ довольно продолжительное время.

Недостатки арестантскихъ помѣщеній состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Помѣщенія эти вообще не соотвѣтствуютъ количеству арестуемыхъ людей. При min. въ 1-й и 2-й частяхъ помѣщеніе еще сносно, но въ 3-й части и при max. въ 1 и 2 частяхъ помѣщеніе плохое.

2. Освѣщеніе только въ 3-й части удовлетворительно, что же касается освѣщенія 1 и 2 частей, то оно не удовлетворительно за исключеніемъ мужской слѣдственной 2 части, въ которой освѣщеніе подходит къ нормѣ.

3. Вентиляція не удовлетворительна. Казалось бы, что въ такихъ жильяхъ, гдѣ имѣется недостаточное помѣщеніе, строитель позаботится объ усиленной вентиляціи, но въ данномъ случаѣ выходитъ на-оборотъ: топки — въ палаты, въ нѣкоторыхъ палатахъ въ окнахъ нѣтъ отдушннъ, которыя имѣются только въ двери, черпая воздухъ изъ корридора. Улучшается воздухъ иногда тѣмъ, что бываютъ разбиты стекла въ окнахъ.

4. Рядомъ съ недостаточностію вентиляціи стоитъ сырость стѣнъ, которая тѣмъ болѣе непріятна, что женская 1-й части и всѣ палаты 2 части суть жилья съ поломъ ниже уровня земли.

5. На-ночь въ арестантскихъ палатахъ становятся параша, приобрѣвшія въ санитарной наукѣ славу предметовъ, подрывающихъ при дурной вентиляціи здоровье заключенныхъ. Санитарныя мѣры, которыя можно предложить для улучшенія арестантскихъ полицейскихъ помѣщеній должны быть слѣдующія: 1) Назначеніе для каждой камеры только извѣстнаго числа людей, болѣе котораго должно быть запрещено помѣщать въ камерѣ. 2) Улучшеніе освѣщенія чрезъ увеличеніе оконъ. 3) Улучшеніе вентиляціи устройствомъ искусственныхъ приспособленій хотя бы самой дешевой конструкціи — напр., при помощи тяги. Оконныя рамы должны вполнѣ открываться. 4) Осушеніе извѣстнымъ образомъ палатныхъ стѣнъ. 5) Разрѣшеніе вопроса о парашахъ составляетъ насущную надобность всѣхъ вообще тюремныхъ помѣщеній въ Россіи. Необходимо достигнуть того, чтобы запахъ отъ ночныхъ нечистотъ арестантовъ не проникалъ въ палаты.

Здѣсь предлагаются результаты санитарныхъ осмотровъ полицейскихъ арестантскихъ въ видѣ слѣдующей таблицы.

№	НАЗВАНІЕ ПОМѢЩЕНІЙ.	Число лицъ въ по- мѣщеніи.	Высота въ метрахъ.	Площадь пола въ кв. метрахъ.	Объемъ въ куб. метр.	На 100 куб. метр. приходится кв. метр. свѣта.	На одного человѣка приходится:	
							Площади пола.	Объема помѣщ.
А. АРЕСТАНТСКІЯ 1-й ПО- ЛИЦЕЙСКОЙ ЧАСТИ:								
1.	Мужеская, съ деревяннымъ поломъ.	Отъ 1 до 14—18	3,29	16,22	53,62	0,76	При minim. 16,22 при maxim. 0,90	53,62 2,98
2.	Женская, съ каменнымъ поломъ.	Отъ 1 до 15	3,50	15,34	51,75	0,79	При minim. 15,34 при maxim. 1,02	51,75 3,45
Б. АРЕСТАНТСКІЯ 2-й ПОЛИ- ЦЕЙСКОЙ ЧАСТИ:								
3.	Мужеская слѣдственная, полъ деревянный.	5—23	2,80	28,28	84,72	2,17	При minim. 5,77 при maxim. 1,25	16,54 3,59
4.	Женская,	1—6	2,80	17,57	49,20	1,82	При minim. 17,57 при maxim. 2,93	49,20 8,20
5.	Мужеская для истрезвле- нія пьяныхъ.	4—15	2,80	39,22	109,82	1,63	При minim. 9,80 при maxim. 2,61	27,45 7,32
В. АРЕСТАНТСКІЯ 3-й ПОЛИ- ЦЕЙСКОЙ ЧАСТИ:								
6.	Комната западная . . .	4—5	3,65	7,81	28,84	3,43	При minim. 1,95 при maxim. 1,56	7,21 5,77
7.	Комната восточная . .	4—5	3,65	7,81	28,84	3,43	То-же	

Примѣчанія (не вошедшія въ вѣдомость):

А. Арестантскія первой полицейской части помѣщаются въ нижнемъ этажѣ дома.

№ 1. Полъ на уровнѣ земли. Одно окно = 0,41 кв.
Топки нѣтъ, въ окнѣ отдушины нѣтъ. Въ двери дыра =
0,12 кв.

№ 2. Полъ ниже уровня земли на 0,49. Одно окно = 0,41 кв. Сырость стѣнъ осенью = 5,9% воды въ штукатуркѣ. Тонки нѣтъ, въ окнѣ отдушинъ нѣтъ, въ двери дыра = 0,12 кв.

Б. Арестантскія второй полицейской части помѣщаются въ среднемъ зданіи, въ подвальномъ этажѣ, окнами во дворъ; двери открываются въ корридоръ.

№ 3. Полъ ниже уровня земли на 1,84. Два окна = 1,8 кв. (по 0,90 кв. каждое), полузатемнены дровами, лежащими на дворѣ. Рамы открываются во всю величину оконъ. Въ печи, обгянутой желѣзомъ, отверстіе для выюшекъ.

№ 4. Полъ на томъ-же уровнѣ (1,84) ниже земли. — Одно окно = 0,90 кв. полузатменено. Печь, рамы и отдушины по № 3.

№ 5. Уровень пола тотъ-же. Два окна = 1,8 кв. (по 0,90 кв. каждое) тоже затемнены. Оконныя рамы открываются, но въ каменной печи отдушинъ нѣтъ.

В. Арестантскія третьей полицейской части находятся въ нижнемъ этажѣ, во дворѣ, на уровнѣ земли. Каждая изъ двухъ комнатъ имѣетъ по окну = 1,0 кв.; сырость стѣнъ весною 1879 г. составляла 21,5% воды въ штукатуркѣ. Отдушинъ нѣтъ, стекла въ оконныхъ рамахъ, при осмотрѣ, были разбиты. Всѣмъ вообще арестуемымъ при частяхъ пища доставляется изъ острога; вода — карповская; прогулокъ не положено. Узнать о количествѣ арестуемыхъ я не могъ, такъ-какъ свѣдѣнія о нихъ не записываются особо и собрать ихъ изъ разрозненныхъ замѣтокъ и рапортовъ почти невозможно.

Лѣтомъ 1879-го года производятся передѣлки и улучшенія арестантскихъ полицейскихъ помѣщеній.

III. САНИТАРНЫЙ ОСМОТРЪ ЗЕМОКАГО ДОМА АРЕСТУЕМЫХЪ ПО ПРИГОВОРАМЪ МИРОВЫХЪ СУДЕЙ.

Лица, познакомившіяся съ полицейскими арестантскими и попавшія въ руки судебной власти, поступаютъ въ мѣста заключенія по назначенію этой послѣдней. Первую степень такихъ арестантскихъ составляетъ, осмотрѣнный мною въ 1878 и 1879 годахъ, домъ арестуемыхъ по приговорамъ мировыхъ судей. Результаты осмотра 1878 года излагаются въ слѣдующей таблицѣ:

№	НАЗВАНІЕ ПОМѢЩЕНІЙ.	Число лицъ въ по- мѣщеніи.	Высота, въ метрахъ.	Площадь пола, въ квадратн. метрахъ.	Объемъ, въ кубиче- скихъ метрахъ.	Площадь свѣта, въ квадратн. метрахъ.	Сколько на 100 куб. метр. помѣщ. прихо- дится кв. метр. свѣта.	Сколько на 1 кв. по приходится	
								Площади полн.	Объема по- мѣщенія.
А. Верхній этажъ:									
1.	Залъ для обѣда	—	3,02	37,06	111,92	5,75	5,1	—	—
2.	Комната для арестантовъ.	4	3,02	22,42	67,71	4,60	6,7	5,6	16,93
3.	То-же.	4	3,02	22,80	68,86	2,30	3,3	5,7	11,22
4.	Служительская.	—	3,02	17,31	52,28	1,15	2,1	—	—
5.	Комната для арестантовъ.	4	3,02	16,30	49,23	3,45	7	4,07	12,31
6.	То-же.	4	3,02	17,63	53,24	2,30	4,3	4,41	13,31
7.	То-же.	4	3,02	18,53	55,96	2,30	4	4,63	13,99
8.	То-же.	4	3,02	18,53	55,96	2,30	4	4,63	13,99
9.	То-же.	4	3,02	15,90	48,02	2,30	4,7	3,97	12,0
10.	То-же.	4	3,02	9,06	27,30	1,15	4,2	2,26	6,82
11.	Корридоръ перваго этажа.	—	3,02	22,38	67,59	0,072	0,1	—	—
Б. Нижній этажъ:									
12.	Комната для арестантовъ.	4	2,68	16,87	45,21	1,96	4,3	4,22	11,30
13.	То-же.	4	2,68	16,35	43,89	1,96	4,4	4,09	10,97
14.	То-же.	4	2,68	17,59	47,13	0,63	1,3	4,39	11,78
15.	То-же.	4	2,68	15,96	42,77	1,96	4,5	3,99	10,69
16.	Корридоръ втораго этажа.	—	2,68	20,05	53,73	0	—	—	—
В. Подвальный этажъ на 2,08 метр. въ землѣ:									
17.	Карцеръ.	1	2,09	17,25	35,98	0	—	17,25	35,98
	12 арестантскихъ комнатъ, въ тече- ніи года тахъ бы- ло 40.	—	—	207,94	605,28	—	—	5,20	15,13

Что касается вентиляторовъ, то они имѣются въ окнахъ, и величина ихъ можетъ быть выражена въ слѣдующихъ цифрахъ: въ № 1-мъ имѣются два круглыхъ вентилятора = 0,019 кв., въ № 2—1 вентиляторъ = 0,0095 кв., въ № 4-мъ вентилятора нѣтъ; №№ 3, 5—10, 12, 13, 15 = по вентилятору № 2-му; № 14-й имѣетъ вентиляторъ = 0,00126 кв. Стѣны въ верхнемъ и нижнемъ этажахъ не представляютъ слѣдовъ сырости; зимою бываетъ сырость въ №№ 5 и 6 верхняго этажа. — Въ штукатуркѣ стѣнъ подвального этажа найдено 11,3% воды.

На дворѣ имѣется садикъ съ желтою и бѣлою акаціями. Длина садика 42 шага, а ширина въ срединѣ 18 шаговъ. Два ретиральныхъ мѣста: одно лѣтнее на дворѣ, просто устроенное, содержится чисто; другое при зданіи, на лѣто закрывается, но тѣмъ не менѣе стѣна зданія, при входѣ въ подвальный этажъ, примыкающая къ ямѣ ретиральнаго мѣста, пропитана жидкостью ретиральныхъ нечистотъ, которая иногда прямо сочится чрезъ каменную стѣну. Запахъ въ подвальномъ этажѣ дурной, ретиральный; онъ проникаетъ въ кухню и въ карцеръ. Прислуга, живущая въ кухнѣ, заболѣваетъ лихорадкою и постоянно перемѣняется. Въ подвальномъ этажѣ имѣется погребъ и около него вырытъ колодезь. Поверхность воды отъ пола подвального этажа 0,53 метр. Вода ни на что не годна и не употребляется. Арестуемыхъ въ теченіи года бываетъ 400—800 человекъ. Въ 1877 году было 340 мужчинъ + 119 женщинъ = 459; отправлено въ больницу 18-ть. Въ 1878 году по сентябрь мѣсяць было 230 человекъ, отправлено въ больницу 6-ть. Арестованные получаютъ на пищу по 8 коп. въ день на человека. Хлѣба чернаго отпускается по 2 1/2 фунта на человека въ день, кромѣ того дается борщъ и каша въ обѣдъ и ужинъ. Мясa не дается, для навару употребляются говяжьи головы. Каша размазня, въ обѣдъ черная, въ ужинъ бѣлая. Сала — сколько нужно. Заключение имѣютъ 2 часа въ день для гулянья, а для работъ вы-

пускаются и въ другое время. Ночью всё заперты, но для испражнений за большою нуждою выпускаются. Ночь—съ 8 часовъ вечера зимою и съ 9-ти лѣтомъ до 6 и 7 часовъ утра. Ночью въ камеры для мочи ставятъ парашаи. Для женщинъ назначены №№ 5-ый и 10-ый въ верхнемъ этажѣ и №№ 3-ий и 4-ый въ нижнемъ. Палаты ночью не освѣщаются, а для освѣщенія корридоровъ употребляются малыя керасиновыя лампы. Топокъ въ самыхъ палатахъ не имѣется, — всё выходятъ въ корридоры. Воду для питья берутъ въ колодцѣ около Богомоловскаго алебастроваго завода, находящагося въ сосѣдствѣ.

При осмотрѣ 1879 года найдены нѣкоторыя значительныя улучшенія, а именно: а) совершенно упразднено ретирадное мѣсто при самомъ домѣ, чрезъ что воздухъ въ подвальномъ этажѣ значительно улучшился. Желательно, чтобы побольше въ Харьковѣ было такихъ домоправителей, которые бы уничтожили большія выгребныя ямы, находящіяся при домахъ; такъ-какъ подобное устройство не можетъ быть безвредно для здоровья жильцовъ. б) Асфальтированъ полъ въ подвальномъ этажѣ; но это мало помогло дѣлу; сырость по стѣнамъ подымается изъ-подъ асфальтоваго пола и просачивается въ помещеніе.

Замѣчанія, которыя въ санитарномъ отношеніи должно сдѣлать о домѣ арестуемыхъ, суть слѣдующія: 1) хорошее освѣщеніе и сухость верхняго этажа; 2) хорошее (внѣшнее) устройство ретирадъ, но съ выгребными ямами; 3) хорошіе обычаи въ арестантскихъ правилахъ: прогулки и работы, существованіе садика, выпуски для испражнений по-ночамъ, отъ чего меньшій вредъ отъ парашъ и др. 4) Сырость нижняго этажа и общая недостаточность вентиляцій. 5) Низменность мѣста (грековская улица). Почвенная вода весною (18 апрѣля) 1879 года стояла на 2,10 отъ поверхности земли, слѣдовательно на 0,02 отъ пола подвального этажа. Домъ такимъ образомъ представляется вырастающимъ изъ колодца.

Санитарныя мѣры, которыя можно предложить для улучшенія дома арестуемыхъ, суть слѣдующія: 1) низменность мѣстности и близость почвенной воды приводятъ къ убѣжденію, что лучше всего было бы земству продать этотъ домъ и устроить новый гдѣ-нибудь на окраинѣ города на возвышенной мѣстности. 2) Если оставить тюрьму въ этомъ домѣ, то подвальный этажъ, какъ вполне негодный, долженъ быть закрытъ. Для осушенія почвы должно предпринять мѣры по указанію специалистовъ этого дѣла (напр. дренажъ). 3) Опредѣлить цифру для каждой палаты, выше коей не должно переходить число помѣщающихся въ ней, и необходимо устроить приспособленія для вентиляціи болѣе дѣйствительныя, чѣмъ какія существуютъ теперь.
